

КАРТИНА УБИЙСТВА

... С ЖУТКИМИ СПЕЦЭФФЕКТАМИ

ПРОДАНО БОЛЕЕ
1 000 000
КНИГ О ЛЕДИ
ХАРДКАСЛ И ФЛОРЕНС
АРМСТРОНГ

ТИ КИНСИ



Леди Эмили Хардкасл

Ти Кинси
Картина убийства

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кинси Т.

Картина убийства / Т. Кинси — «Эксмо», 2018 — (Леди Эмили Хардкасл)

ISBN 978-5-04-109765-3

Англия, 1909 год. Леди Хардкасл и ее верная горничная Флоренс Армстронг известны как успешные детективы-любители, но у леди есть еще одна страсть – «живые картины», то есть кинематограф и анимация. Поэтому приезд кинематографистов с фильмом «Ведьмина погибель» для нее – шанс показать публике свои произведения. Однако сеанс и пирушка по этому случаю закончились жутчайшим образом. Наутро актера Бэзила Ньюхауса нашли с проколотым сердцем, а рядом с ним – куклу, его точную копию, чье сердце тоже было пронзено. Точно так же ведьма в фильме убила его персонажа. В который раз невинное желание развлечься обернулось для неугомонного дуэта леди и горничной смертельно запутанной историей...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-109765-3

© Кинси Т., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ти Кинси

Картина убийства

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Глава 1

– Просто держи крепче и старайся, чтобы рука не попала в кадр – В голосе леди Хардкасл слышалось едва заметное раздражение.

В то утро меня вызвали в студию в восемь часов утра. Сейчас была уже половина двенадцатого, и мы успели слегка надоесть друг другу.

– А может быть, мы прервемся, миледи, – предложила я. – Я попрошу мисс Джонс приготовить нам кофе. Кажется, печенье у нее тоже на подходе...

– Еще один кадр, – ответила хозяйка и нажала на затвор камеры. – Вот так. Кажется, все готово. Теперь осталось сделать карточки с титрами, и «Мышь полевая и мышь городская» будут готовы предстать перед широкой публикой. Или, по крайней мере, перед селянами. Не уверена, что это сможет заинтересовать еще кого-то. А Герти уверяет меня, что вся деревня гудит – она так и сказала «гудит», только представь себе – от разговоров о «живых картинках леди Хардкасл».

– Дейзи тоже ни о чем больше не говорит, – вставила я. – Я была в «Псе и утке» вчера во время ланча, пока вы занимались всем этим здесь, и она как раз вещала за стойкой: «Леди Хардкасл – просто гений, что может заставить все эти картинки двигаться, и все такое...» Гений, вы только подумайте. А ведь она вас хорошо знает. Эти ваши творческие упражнения, вполне возможно, спасут вашу шаткую репутацию.

– Возможно, – рассеянно согласилась моя хозяйка, продолжая возиться с камерой. – Ты, кажется, говорила что-то о кофе?

– И о печенье. Сейчас загляну на кухню и посмотрю, что там можно найти.

Я вышла из оранжереи и пересекла небольшое расстояние, отделявшее ее от задней двери, ведущей в дом. Он был построен всего несколько лет назад в современном стиле – красный кирпич и выкрашенные белой краской переплеты окон. Единственной уступкой предыдущей моде была оранжерея. Леди Хардкасл арендовала дом у своего старого друга Джаспера Лакстона. Тот построил его, собираясь перебраться в него после того, как вернется с семьей из Индии. Но обстоятельства задержали их на этом великолепном субконтиненте дольше, чем он планировал, и Джаспер с удовольствием сдал вновь построенный дом в аренду своей надежной подруге. У меня создалось впечатление, что мистер Лакстон планировал привезти из Индии различные экзотические растения и именно поэтому построил оранжерею. Когда мы переехали в дом, миледи мгновенно превратила ее в съемочный павильон. Конечно, это вовсе не то, на что рассчитывал мистер Лакстон, но освещение в ней действительно было превосходным.

На улице я провела всего несколько мгновений, но в воздухе уже ощущалось наступление осени, и я была рада оказаться в помещении после уличной прохлады.

Мисс Джонс, наша молодая кухарка, трудилась на кухне. Было похоже на то, что к воскресному обеду она готовит баранину на ребрышках. Леди Хардкасл наняла ее в первые же дни после нашего переезда в Литтлтон-Коттерелл. Мисс Джонс была очень молода для поварихи – настолько молода, что ни одна из нас не могла назвать ее «миссис» Джонс, как того требовала традиция. Язык не поворачивался произнести такое. Но, несмотря на молодость и отсутствие опыта, ее способности к готовке нас приятно удивили. Сама я на кухне чувствую себя дура дурой, а по сравнению с Блудвен Джонс выгляжу просто настоящей растяпой.

– О, здравствуйте, мисс Армстронг, – произнесла девушка, когда я подошла к плите, чтобы согреть руки. – Эдна о вас спрашивала. Кажется, это касается новой скатерти, которая, как она считает, нужна нам в столовой. А еще у нее кончился пчелиный воск. И метелка для пыли износилась. Сегодня у нее все не так. Честно говоря, я подумала, что вам повезло, что вы с ней сегодня не пересекались.

– Наверное, надо пойти и поговорить с ней, – сказала я, подавляя вздох. – Прошу вас, приготовьте кофейник, пока я буду с ней общаться. Леди Хардкасл будет пить кофе в малой гостиной.

– Ну конечно, – улыбнулась девушка. – А еще я сегодня утром приготовила песочное печенье, на случай если ей захочется.

– Вы просто читаете мои мысли, – ответила я и отправилась на поиски горничной.

– Ну, и как сегодня наше королевство, Эдна? – спросила я, найдя ее в одной из спален.

– Бывало и лучше, мисс Армстронг, – устало ответила она.

– Боже! – воскликнула я. – Что случилось?

– Кажется, все разваливается прямо на глазах. У меня закончилась полироль, да и эта метелка знавала лучшие времена. – С этими словами она продемонстрировала мне несколько жалких страусовых перьев, неизвестно как державшихся на сломанной ручке. – И скатерть на столе не хочет ложиться, как надо... Просто ну ничего не действует, как должно. А уж о том, сколько раз я сегодня теряла разные вещи, лучше и не говорить...

– Это наверняка чей-то призрак. Для них как раз сейчас самый сезон.

– Только не говорите мне об этом. Я знаю, вы с хозяйкой в такие вещи не верите, а для меня все это очень серьезно. Я своими глазами видала призрак в доме бабушки. В жизни так не пугалась. Ведь перед Хеллоуином преграда между их миром и нашим становится совсем тоненькой...

– Я просто пошутила, – ответила я. – Мне кажется, что нам здесь нечего бояться. Этому дому меньше десяти лет – призраки в нем просто не успели завестись.

– И все равно, лучше с ними не шутить, – серьезно сказала горничная. – Ведь никто не знает, что было здесь раньше.

– Простите, я просто хотела вас немного взбодрить... Право, не стоит так расстраиваться из-за нескольких досадных неудач. Что-нибудь еще?

– И да и нет, дорогая. – Горничная прекратила перестилать постель и с мимолетной улыбкой посмотрела на меня. – Мой Дэн получил травму на работе. Ничего страшного, хотя и неприятно.

– Мне очень жаль. Я не знала... Что-то серьезное? Может быть, вам стоит побыть с ним?

– С ним все в порядке. Просто сломал ногу. Но вот с деньгами будет туго – доктор Фитцсиммонс считает, что ему придется пролежать месяцев шесть.

– А чем он занимается?

– Сейчас работает на ферме у Тоби Томпсона, помогает ему с молочным стадом. Раньше он работал у Ноя Лока на холме, но сейчас выбирать не из чего. Так что приходится хвататься за любую работу. Я называю его подмастерьем всех ремесел.

– То есть теперь ему придется сидеть с ногой в гипсе, – сказала я. – Может быть, вам стоит взяться еще за какую-то работу у нас? Я могу поговорить с миледи.

– Это было бы здорово, моя милая, – сказала Эдна, вновь отрываясь от работы. – Но только если это работа без дураков. Благотворительности мне не надо.

– Это понятно. Иное мне и в голову не приходило. Уверена, что для вас найдется достаточно настоящей работы.

– Тогда я вам буду очень благодарна.

– А Дэн без вас справится?

– Ежели у него будет его трубка и пара бутылок сидра, то он вполне сможет продержаться пару дней без меня.

– Тогда я подумаю, что можно сделать.

– Но только работа без дураков, не забудьте.

– Клянусь, что мы заставим вас трудиться, как новобранца, Эдна. Об этом можете не беспокоиться.

Теперь, будучи уверенной, что ничего страшного в доме не произошло, я вернулась на кухню. Когда я вошла, мисс Джонс как раз ставила кофейник с чашками на поднос.

– Спасибо, – поблагодарила ее я. – А вы знаете про Дэна?

– Про его сломанную ногу? – Кухарка вздохнула. – В последнее время я только об этом и слышу. Вы думаете, именно поэтому она злится по пустякам?

– Похоже на то.

– Им будет не хватать его заработка. Со сломанной ногой не поработаешь.

– Она мне так и сказала. Я предложила ей переговорить с хозяйкой насчет дополнительной работы по дому.

– Вы очень добры.

– А вы не будете против?

– Почему это я должна быть против? – спросила девушка несколько озадаченно.

– Ну, понимаете, вам мы дополнительной работы предложить не сможем. Честно говоря, я не представляю себе, *что* мы сможем поручить Эдне. Только ей об этом не говорите. Она настроена против любой благотворительности.

– Это точно. Наша Эдна – девушка гордая. Но обо мне вы не беспокойтесь. Меня вполне устраивает то, что я прихожу сюда по утрам. Мне это очень даже подходит. Я же еще должна присматривать за Ма.

– Конечно. Конечно. Кстати, как она?

– То лучше, то хуже, – ответила кухарка. – Бывают дни хорошие, бываю плохие, но мы справляемся.

– Наверное, вам не просто. Только не берите пример с Эдны. Если вам нужна будет помощь – не стесняйтесь. Договорились?

– Вы очень добры, мисс. Мне отнести этот поднос?

Как обычно, она приготовила поднос для двоих – и кухарка, и Эдна быстро привыкли к тому, что леди Хардкасл принимает пищу вместе со своей личной горничной.

– Нет, не беспокойтесь, – ответила я, – я сама возьму. А вы продолжайте колдовать над бараниной. И передайте леди Хардкасл; она сказала, что мы встретимся в малой гостиной, – на тот случай, если она забудет.

* * *

– Ты не чувствуешь запах дыма? – спросила леди Хардкасл, вливаясь в малую гостиную, все еще в своей рабочей одежде.

– Я попросила Эдну зажечь камин, – ответила я. – Мне показалось, что мы уже достаточно доказали свою стойкость и выносливость. Границы «легкой прохлады» преодолены, и мы стремительно движемся к «собачьему холоду». Так что пора начинать греться.

– Ты совершенно права, – согласилась со мной миледи, усаживаясь. – И сурово застывшее лицо производит впечатление, только если оно застыло не от мороза... Но я имела в виду запах на улице. Когда мы сегодня утром шли в оранжерею, на улице здорово пахло дымом. Тебе так не показалось?

– Может быть, сегодня все решили затопить камин?

– Нет, запах был не такой... чистый. Пахло не древесным или угольным дымом.

– Может быть, костры? Сжигают листья и мусор в садах? Последняя приборка перед зимой?

– На улице льет как из ведра, дорогая, – заметила миледи. – Кто будет жечь костры в дождь? Ты уверена, что не почувствовала никакого запаха?

– Да вроде нет, – ответила я, наливая ей чашку кофе и протягивая песочное печенье, приготовленное мисс Джонс. – Надеюсь, к пятнице погода разгуляется. Обожаю Ночь костров¹.

– Я тоже. В эту ночь папа обычно водил всех нас любоваться фейерверками. На улице стояли прилавки, за которыми продавали еду и напитки. Отлично помню, как какой-то йоркширец продавал «костровые ириски» – черные твердые куски, о которые можно было легко обломать зубы². Но никто не расстраивался, потому что ими же можно было опять склеить обломки. Я настаивала на том, чтобы мы подходили к нему каждый год, – просто обожала эти ириски. Когда я подросла, мама сказала, что мы видим его в последний раз и что я должна откусить кусочек ириски, а потом выплюнуть его со словами: «Самая жуткая штука во всей Империи». Но фейерверки были просто сказочными. Из года в год.

– В ночь Гая Фокса мы давали последнее представление перед закрытием цирка на зиму, – заметила я. – Закончив шоу, шли во главе толпы зрителей в поле. И устраивали для них фейерверки, каких они до этого не видели. А пожиратель огня показывал свой номер на фоне большого костра. Я здорово расстроилась, когда мы вернулись в Абердэр, чтобы мама могла ухаживать за Мамгу³. В городе ничего подобного тому, что мы видели в детстве, просто невозможно себе представить.

– А ты помнишь фейерверки в Шанхае? Надо бы пригласить сюда китайцев, чтобы те показали, что такое настоящий фейерверк... И все-таки в деревне всегда очень стараются, даже без помощи китайцев. Так что я жду с нетерпением...

– Но если леди Фарли-Страуд занимается организацией показа ваших живых картинок, то кто же отвечает за Ночь фейерверков? – поинтересовалась я. – Сэр Гектор?

Сэр Гектор и леди Фарли-Страуд были местными землевладельцами. Однажды леди Хардкасл охарактеризовала их как «самую очаровательную пару старичков, когда-либо рождавшуюся на свет». За последний год эти двое стали близкими друзьями.

– Гектор? Да неужели? Я его очень люблю, но он, бедняжка, не способен организовать даже игру в снежки зимой, да благословит его Господь... Нет, я думаю, что существует какой-то комитет, во главе которого стоит все та же Герти. Она вполне может заниматься организацией шоу и в то же время контролировать подготовку к Ночи Гая Фокса. Эта женщина – иногда мне кажется, что внутри у нее прячется паровая машина.

– Вот именно. С медными украшениями, – добавила я.

Миледи посмотрела на часы.

– А ведь уже почти время ланча. Зачем ты позволяешь мне есть это печенье? Нам надо уговорить мисс Джонс приготовить пирог.

– Я хотела выпить чай в одиннадцать часов, но вы же хотели сделать этот «еще... один... последний... кадр», – заметила я. – А я девочка послушная и всегда делаю то, что мне велят.

Мои слова вызвали бурю негодования, но от более серьезных последствий меня спас телефонный звонок.

– Кто, черт побери, это может быть? – удивилась миледи.

– Сейчас узнаю.

Пройдя в холл, я сняла слуховую трубку с деревянной коробки, привинченной к стене, и произнесла:

– Алло, Чиппинг-Бевингтон два-три слушает.

¹ Она же Ночь Гая Фокса, или Ночь фейерверков – британское народное празднование в ночь на 5 ноября, первоначально в честь неудачи Порохового заговора 1606 г., попытки взорвать короля Якова I в здании палаты лордов. Бочки с порохом должен был поджечь Гай Фокс, и на 5 ноября сжигают символизирующие его чучела.

² Традиционное угощение на Хеллоуин и Ночь костров, приготовляемое из черной патоки, побочного продукта сахарного производства.

³ Так в Уэльсе называют бабушек.

– Армстронг? – раздался знакомый голос леди Гертруды. Помяни черта, как говорится... – Армстронг, это вы, милочка?

– Да, леди Фарли-Страуд, – ответила я. – Вы хотите, чтобы я позвала леди Хардкасл?

– Нет, дорогая, в этом нет нужды. Просто попросите ее подойти.

– Сейчас, миледи. Не кладите трубку.

Подобный разговор повторялся практически каждый раз, когда она звонила. Я уже стала беспокоиться, не во мне ли все дело?

– Кто там, дорогая? – спросила леди Хардкасл, когда я вернулась в малую гостиную.

– Леди Фарли-Страуд. Она хочет поговорить с вами.

Миледи отсутствовала довольно долго. Я слышала только обрывки того, что отвечала леди Хардкасл, но услышала достаточное количество «боже!» и «бедные, вы бедные» чтобы понять, что в «Грейндже» не все в порядке.

– В «Грейндже» не все в порядке, – сообщила миледи, вернувшись за стол.

– Я так и поняла, – ответила я. – Что случилось?

– Этот запах дыма, о котором я говорила, когда вошла, – так вот, им несло с их кухни.

– У миссис Браун сгорел их воскресный обед?

– Хуже, – ответила миледи. – У них загорелась кухня. Они думают, что это от забытой свечи. Огонь перекинулся на тряпку, и пошло-поехало.

– Боже! – воскликнула я. – Никто не пострадал?

– К счастью, нет. И дом не пострадал. Они просто остались без кухни.

– Мы можем чем-то помочь?

– Именно поэтому она и звонила. Они должны были принимать гостей из мира кинематографа – полковника Как-его-там и трех актеров.

– Его зовут полковник Читэм, – подсказала я. – Нолан Читэм.

– Вот именно. Она спрашивала, не сможем ли мы взять их на себя.

– Надеюсь, вы согласились?

– Сразу же. У каждого будет своя комната – места у нас достаточно. Единственное, что меня волнует, – справишься ли ты со всем этим?

– В одиночку – нет, – ответила я. – Но так получилось, что Эдна хотела бы подработать, пока ее муж болеет. Насчет мисс Джонс не уверена, но думаю, что ее можно будет уговорить. С одной стороны, она очень хочет быть полезной, но с другой – должна присматривать за матерью.

– Мне кажется, что Герти Фарли-Страуд знает ее мать – по-моему, они вместе заседают в паре деревенских комитетов, – так что она сможет уговорить ее посоветовать Блодвен побольше выходить и общаться с людьми. И еще Герти предложила нам услуги Доры и Дэви на все время этого визита.

Дора Кендрик работала горничной в «Грейндже»; мы с ней не очень ладили. Дэви Риз был лакеем. Будучи занудой, он обычно ругался по-валлийски, когда на него слишком наседали, но в остальном с ним все было в порядке.

– Думаю, мы справимся, – заключила я. – А когда они приезжают?

– Слуги появятся здесь завтра утром, а гости приедут во второй половине дня.

– Вот как... Эдна и мисс Джонс уже ушли. Я скажу им завтра.

– А мисс Джонс оставила нам ланч?

– Бараньи ребрышки, – ответила я. – Осталось только нанести несколько последних штрихов.

* * *

Позже, вечером того же дня, мы с леди Хардкасл сидели возле камина в гостиной.

– Мне действительно нравится сельская жизнь, – заметила миледи, устраиваясь в кресле поудобнее. – Правда, от городской она отличается тем, что требует от человека гораздо больше усилий и самоотверженности.

– Но ведь сейчас от нас ничего особенного и не требуется, – рассмеялась я. – Вы же сами говорили, что нам следует почаще приглашать гостей.

– Я знаю. И не жалею. Просто размышляю над тем, что, если леди Имярек захочет устроить прием в Лондоне, она будет уверена, что никто из соседей не захочет остаться на ночь. Просто все мы появимся нарядно одетыми и весело проведем вечер. А когда настанет время разойтись по домам, то вызовут экипажи, и все мы разъедемся, а ее слугам придется убирать за нами. Тогда как здесь...

– Тогда как здесь вас очень мило попросят выручить в тяжелой ситуации и пришлют вам своих слуг, чтобы они взяли на себя основную часть забот. И, может быть, деревенский подход нравится мне больше...

– Когда ты так говоришь, юная Фло, то с тобой трудно не согласиться. – Миледи сделала глоток бренди. – А что говорят о наших гостях деревенские кумушки? Герти не слишком распространялась на этот счет.

– Как обычно, моим главным источником слухов является Дейзи, – ответила я. Дейзи была дочерью мясника, которая утро проводила в магазине своего отца, а вторую половину дня и вечер – за стойкой местного бара «Пес и утка». Она была легкомысленна и глуповата, но при этом я считала ее своей лучшей подружкой в деревне. – Она говорит, что у этого Читэма репутация вполне себе харизматичного шоумена, но при этом – дословно она сказала следующее: «Его звезда уже закатилась».

– Для Дейзи это слишком поэтично.

– Она вычитала это в одном из своих журналов. И дала мне его почитать, – я указала на журнал, лежавший на столике между нами. – Иногда в нем появляется «кинематографическая» рубрика. А еще она сказала, что все считают его гранд-шишкой английского кинематографа. Кое-кто пытается кусать его за пятки, но, судя по всему, эта его фильма вновь вернет ему былое величие.

– И он везет ее сюда? Как это мило с его стороны...

– Это как-то связано с лозунгом «Кинематограф в каждый дом» или что-то в этом роде. Дейзи говорила что-то о том, что он считает, что другие продюсеры слишком зациклены на больших городах и совсем забывают о сельской местности, так что он собирается продолжить премьерный тур со своей фильмой здесь, в Литтлтон-Коттерелле. Уверена, что вы сможете поподробнее расспросить его, когда он появится у нас.

– Обычно в этом нет никакой нужды – шоумены обожают говорить о себе сами. А что его актеры? Дейзи что-нибудь о них знает?

– Две актрисы и актер. Она назвала их имена и долго распространялась о взлетах и падениях их карьер, но, боюсь, я не слишком внимательно ее слушала. Ничего не могу вспомнить.

– Тем интереснее будет встретиться с ними и узнать все из первых рук, – заметила миледи и налила нам еще бренди. – А что, если нам перед сном заняться музыкой? Этому старому фортепиано явно не хватает внимания. Как ты к этому отнесешься?

– Вы имеете в виду какую-нибудь жутковатую мелодию, миледи? – спросила я.

– Жутковатую? Почему же «жутковатую»?

– Но сегодня же канун Дня Всех Святых, – объяснила я. – В эту ночь наружу вылезает вся нечисть. Эдна уверена, что духи крадут ее метелки для пыли.

– Да пошли все эти глупости к черту, – сказала миледи. – Герти уже рассказала мне придушенным голосом – насколько это возможно, когда она говорит по телефону, – что их слуги тоже бормочут о каких-то сверхъестественных силах, якобы ответственных за пожар на кухне.

– Городские жители обычно забывают, насколько наши деревенские братья серьезно относятся ко всему этому.

– Гоблины и призраки. И тому подобные длинноногие твари...

– Вот именно. А еще ведьмы и монстры. Моя матушка называла эту ночь *Nos Galan Gaeaf*. «Ночь накануне первого зимнего дня»⁴. Она учила нас всем древним обрядам. Когда мы вернулись в Абердэр, в некоторых семьях они все еще соблюдались. То есть весь год жители регулярно ходили в церковь, а одну ночь в году посвящали старым традициям.

– Как интересно! Это что, были какие-то церемонии? Ритуалы?

– Это был *Coelcerth*⁵, – ответила я, беззастенчиво понижая голос, как рассказчик, подошедший к самой страшной части своей истории. – Вокруг него танцевали женщины и дети. Каждый по очереди писал на камне свое имя и клал камень в огонь. А когда костер выгорал, все мгновенно разбежались по домам. Последний, кто оставался во мраке, рисковал быть схваченным *Yr Hwch Ddu Gwta* – устрашающей черной свиньей без хвоста, и безголовой женщиной, путешествующей вместе с ней.

– Свят, свят, свят, – произнесла миледи с улыбкой. – А я-то думала, что Уэльс – это веселая страна, полная стихов и песен...

– Но это еще не все, миледи. Утром камни проверяли, чтобы убедиться, что ни один из них не пропал. И если чье-то имя пропадало, то этот человек должен был умереть до конца следующего года.

– На фоне всего этого нянюшкины истории о Джеке-с-фонарем⁶ покажутся пресными. Грубо изрезанная репа со свечой внутри и предупреждение не связываться с ведьмами бледнеют перед твоими рассказами.

– Это все вы, лондонцы, с вашими городскими привычками, – я все еще не могла выйти из роли рассказчика. – Вы и половины не знаете.

Хозяйка вновь рассмеялась.

– Тогда, может быть, Сен-Санс? – предложила она. – «Пляска смерти» вполне подойдет. Или Мусоргский? Уверена, что у нас где-то есть ноты «Ночи на Лысой горе». А может быть, и то и другое? Или ни того и ни другого? Произведения довольно сложные...

Я откинулась в кресле и, закрыв глаза, полностью растворилась в музыке. Произведения действительно были сложными, но хозяйка, как и всегда, с честью справилась с ними.

Разошлись мы где-то в полночь, и, ложась в постель, я зажгла две свечи. В *Nos Galan Gaeaf* осторожность никому не помешает.

⁴ Валлийский Хеллоуин (здесь и далее в главе – *валлийск.*).

⁵ Большой костер.

⁶ Имеются в виду фольклорные истории о пьянице-кузнеце, который хитростью заставил дьявола пообещать не забирать его душу в ад после смерти. А поскольку в раю Джека тоже отказались принять, он обречен скитаться, освещая себе путь угольком, тлеющим в фонаре из репы с прорезанными отверстиями. Традиционные хеллоуинские тыквы являются прямыми наследницами той репы; таковые также до сих пор используются как украшение в наши дни. Ведьмы далее упоминаются в связи с тем, что фольклор считает их «агентами» дьявола в нашем мире.

Глава 2

Как это часто со мной случается, несмотря на то что накануне легла поздно, утром я проснулась до обидного рано. К тому моменту, как в дом через заднюю дверь вошли Эдна и мисс Джонс, я уже успела разжечь плиту и поставить чайник. И когда они вошли на кухню, как раз ставила кипятиться большой медный бак с бельем.

– Утро доброе, мисс Армстронг, – весело поздоровалась Эдна. – И спасибо вам, это очень мило с вашей стороны. Не многие личные гувернантки леди будут заниматься стиркой. Так что я вам очень обязана, будьте покойны.

– Не стоит, – ответила я. – Хотя, должна признаться, у меня есть тайная причина завоевать ваше доброе расположение.

Эдна вопросительно приподняла бровь.

– Вы помните нашу с вами вчерашнюю беседу? – продолжила я. – Вы говорили, что хотели бы поработать сверхурочно.

– Если только это будет работа без дураков, – напомнила она мне. – О благотворительности речь не идет.

– Вот именно, – согласилась я. – Как, по-вашему, ухаживать за четырьмя гостями – это работа без дураков?

– За четырьмя? – хором переспросили Эдна и мисс Джонс.

– Боюсь, что да, – ответила я. – Эти люди из мира кинематографа должны были гостить у леди Фарли-Страуд, но после пожара...

– О боже, ну конечно. Пожар. Ма рассказывала, – прервала меня мисс Джонс, что для нее было крайне нехарактерно. – На кухне. Я всегда жутко боюсь, что могу случайно поджечь кухню.

– Люди говорят, что это был дух кухарки из тысяча шестисотого года, – заметила Эдна.

– Да неужели? – переспросила я.

– Да. Говорят, что сын тогдашнего лорда плохо с ней поступил, и она умерла при родах незаконного сыночка. Местные рассказывают, что каждый год в это время она появляется здесь, чтобы предупредить слуг об осторожности и отомстить.

– Кому? – спросила я, невольно заинтересовавшись.

– Семье, которая так плохо с ней обошлась, – твердо ответила Эдна.

– Но этой семьи здесь давно уже нет. Фарли-Страуды купили поместье в восьмидесятых.

– А никто и не говорит, что у призраков есть доступ к земельному кадастру, – возразила горничная. – Она просто знает, что умерла на этой самой кухне и кто-то должен за это заплатить.

– Понятно. К счастью, никому платить не пришлось. Хотя миссис Браун слегка потрясена.

– Эта ленивая старая черепаха, – фыркнула Эдна. – Я слышала, как она, увидев, что произошло, рванула к своей сестрице.

Мне стало ясно, что деревенский телеграф работает со своей обычной эффективностью.

– Очевидно, в Глостер, – заметила я. – Но тот факт, что кухня находится в руинах, а опытейшая кухарка в бегах, заставили леди Фарли-Страуд задуматься, сможет ли она вообще принять своих гостей. Поэтому она попросила нас взять их на себя. Насколько я понимаю, это будут два джентльмена и две леди. Один из джентльменов – руководитель компании, остальные – его актеры.

– Актеры? – переспросила Эдна. – Вот уж кому я не стала бы доверять. Сестра нашего Дэна когда-то работала в Королевском театре в Бристолле. Она вам такого может порассказать об этих актерах...

– Уверена, что никаких проблем с ними не будет, – прервала ее я. – Кроме того, леди Фарли-Страуд предложила прислать Дору и Дэви нам в помощь...

– Пару этих недотеп? – возмутилась Эдна. – Наверняка просто захотела избавиться от них, чтобы они не мешались под ногами.

– Она предложила прислать Дору и Дэви нам в помощь, – повторила я, отчаянно стараясь взять беседу под свой контроль. – Мы могли бы справиться и так, но наша обычная жизнь изменится.

– А я еще просила о настоящей работе, – хихикнула Эдна. – Впредь надо будет быть поосторожнее с желаниями.

– А как насчет питания? – взволнованно спросила мисс Джонс. – У нас припасов не хватит – я не думала, что надо заказывать больше. И работать весь день я не смогу. Мне очень жаль, но я должна присматривать за Ма.

– Не волнуйтесь, – успокоила я ее. – Я закажу дополнительные продукты. А насчет кухни мы как-нибудь договоримся. Я ведь, знаете ли, тоже не полный профан в готовке.

– Я знаю, мисс. Я вовсе не хотела... Но ведь это не ваши обязанности. Вам и так хватает того, что вы ухаживаете за хозяйкой.

– Все дело в том, что, перед тем как перебраться сюда, мы долгое время жили с ней вдвоем. И никогда не задерживались на одном месте достаточно долго, чтобы нанять слуг. Так что я привыкла все делать сама.

– Хотелось бы мне послушать об этом, – заметила Эдна. – Это вам не про актеров сплетничать. Уверена, что у вас были настоящие приключения.

– И даже не одно, – рассмеялась я. – И о многих из них я до сих пор не могу рассказывать. Государственные секреты и все такое...

Мисс Джонс уставилась на меня вытаращенными глазами.

– Не обращай внимания, детка, – вмешалась в разговор Эдна. – Она тебя просто разыгрывает.

Теперь уже наступила моя очередь приподнимать бровь.

– Нет, Эдна. Я ей верю, – сказала мисс Джонс. – Они с леди Хардкасл много чего могут порассказать.

– Как хочешь, милочка, – не унималась Эдна. – Но пока рассказы подождут. Когда приезжают эти актеры?

Я невинно улыбнулась.

– Берт встречает их на станции в Чиппинг-Бевингтон в полдень.

– Уже сегодня? – хором спросили они.

Я попросила Эдну присмотреть за Дорой и Дэви, пока они все трое будут готовить дом к приезду наших гостей. Мне показалось, что эта просьба доставила ей удовольствие. Эдна уже много лет работала в качестве горничной, а в молодости даже была домоправительницей в домохозяйстве средних размеров. Ей нравилась работа на неполный рабочий день у леди Хардкасл, но мне казалось, что она ждет случая показать мне все, на что способна. Так что я оставила ее обдумывать собственные планы.

А мы с мисс Джонс пока занялись составлением меню до конца недели и инспекцией кладовой с продуктами.

С запозданием я поняла, что мы так и не выяснили, сколько дней проведут у нас гости, но, по моему разумению, они должны были пробыть как минимум до завтрака в субботу. То, что комитет во главе с леди Фарли-Страуд с энтузиазмом назвал «Феерией живых картин», должно было закончиться в четверг, после чего наших визитеров приглашали в качестве почетных гостей на празднования по поводу Ночи костров в пятницу. Скорее всего, они захотят отдохнуть ночь перед тем, как отправиться дальше. Таким образом, мы должны были накор-

мать четырех лишних человек не менее пятнадцати раз. Я подумала, что владельцы местных магазинов встретят меня с радостью.

В этот момент кто-то постучал в заднюю дверь. Эдна, находившаяся к ней ближе всех, открыла. Скорее всего, это был какой-то посыльный. Я уже было решила перехватить его и отправить восвояси с нашим новым заказом, но потом решила, что будет лучше, если я появлюсь в лавках лично. Я задумалась о другом и обратила внимание на происходящее только когда услышала свое имя и поняла, что Эдна разговаривает не с юным посыльным мясника, а со взрослым человеком.

– ...а мисс Армстронг, – говорила Эдна, – велела, чтобы вы двое...

– Заносчивая дамочка, – заметила Дора.

– Не поняла, – ответила Эдна.

– Эта ваша «мисс Армстронг». Считает себя лучше нас только потому, что водит дружбу с выжившей из ума старой коровой леди Хардкасл. И в «Грейндж» входит через парадную дверь, надо же... Через чертову парадную дверь! И все это потому, что ее придурковатая хозяйка смогла раскрыть пару загадок...

– Ты бы последила за своим языком, детка. Негоже так говорить о людях, особенно о таких женщинах. Каждая из них стоит двадцати таких, как ты.

Но на Дору эти слова, казалось, не произвели никакого впечатления.

– И не надейся, что мы будем слушать твои указания, – продолжила она. – Мы работаем на леди Фарли-Страуд, так что нечего нами здесь командовать. У нас есть свои инструкции. И мы знаем, что нам надо делать.

Обычно я никогда никому не угрожаю. Моя субтильная внешность делает физические угрозы с моей стороны просто смешными. Да и не люблю я использовать угрозы в качестве способа управления людьми. В молодости, когда я работала в качестве помощницы на кухне, мы с другими девушками однажды сидели и выпускали пар, жалуясь на то, как одна из старших горничных обращается с нами. И вдруг все девушки одна за другой замолчали. Я обернулась и увидела миссис Левеллин, домоправительницу, которая угрожающе нависла надо мной. Все мы получили свое за нашу наглость, но я никогда не забуду, как сжался мой желудок, когда я подняла глаза и увидела ее лицо, склонившееся надо мной. Его выражения я никогда не забуду. Тогда я поклялась себе, что если когда-нибудь буду на ее месте, то не буду никому угрожать. На мой взгляд, это совершенно ужасно.

А вот Дора как раз не относилась к числу моих любимчиков в деревне, и я решила, что ее нужно поставить на место. Я жестом приказала мисс Джонс хранить молчание и на цыпочках прокралась к двери в прихожую – так громко мы называли небольшое уютное помещение, в котором происходил разговор. Эдна стояла спиной ко мне – как раз между вновь прибывшими и дверью на кухню. Возможно, на этот раз моя комплекция позволит мне более эффектно поставить их на место.

Я крадучись приблизилась к ним как можно ближе, используя Эдну в качестве щита, за которым Дора не могла меня увидеть. Она продолжала свой бесконечный монолог, в котором перечислялись наши с леди Хардкасл недостатки и отмечалась наша непригодность к жизни среди достойных деревенских жителей.

Я медленно возникла из-за плеча Эдны.

Доре понадобилось несколько секунд, чтобы заметить меня, и она вдруг затихла, произнеся напоследок с никого не обманувшей дерзостью: «В общем... да...» После чего покраснела и цветом лица стала напоминать лобстера, которого подавали на обед у итальянского посла в Париже.

– Привет, Дора, *fach*⁷. Как мило увидеть вас вновь, – поздоровалась я. – Эдна вам уже все объяснила?

Мгновение та молча смотрела на меня, но не смогла выдержать мой взгляд и перевела глаза на свою обувь.

– В следующие несколько дней нам всем предстоит хорошо потрудиться, – продолжила я, – и я хотела бы, чтобы вы повнимательнее прислушивались к указаниям Эдны, и чтобы все у нас здесь работало как часы.

За все это время Дэви не произнес ни слова. Хотя, надо отдать ему должное, этот долго-вязый валлийский парень был явно шокирован тем, как вела себя его коллега по «Грейнджу». Он согласно кивнул, в то время как Дора продолжила внимательно изучать свои башмаки.

– Да, и вот еще что, Дора, – добавила я в заключение, – если я услышу хоть какие-то намеки на то, что вы опять позволили себе говорить о леди Хардкасл в таком тоне, я жизнь свою положу на то, чтобы сделать *вашу* как можно более невыносимой. Обо мне вы можете говорить все, что вам заблагорассудится; худшее, что вас в этом случае может ждать, – это удар по физиономии, если мне угодно будет этим обеспокоиться. Но посмейте сказать хоть слово о ней – всего одно слово, Дора Кендрик, – и вы пожалеете, что в детстве научились говорить. Я ясно выразила свою мысль?

– Да, мисс, – пробормотала она в ответ.

– Вот и отлично. А теперь я передаю слово вам, Эдна, – сказала я. – Самой мне надо в деревню, заказать кое-что. Скоро увидимся.

Надев пальто, я выскользнула через заднюю дверь, с большим трудом заставив себя закрыть ее, не хлопая.

* * *

К тому моменту, когда я дошла до лавки зеленщика Уикли «Заходите к Уикли ради свежих овощей», мне удалось немного успокоиться.

Мистер Уикли, узнав о нашем заказе, чуть не закричал от восторга: как много всего нам нужно!

– Ваша хозяйка собирается устроить банкет, мисс Армстронг? – поинтересовался зеленщик.

– К ней неожиданно приезжают гости, которые пробудут у нас до конца недели, – ответила я.

– Надеюсь, для вас это будет не слишком тяжело, хотя не буду притворяться, что этот дополнительный заказ меня не радует... Послушайте, а это не те люди, которые собирались остановиться у леди Фарли-Страуд? Мы здесь слышали о пожаре. Просто ужас. Говорят, никто не знает, как он начался, но миссис Уикли рассказывала, как одна из кухонных девушек вспомнила, что они видели призрачную фигуру с фонарем в руках, которая в тот вечер обходила помещения. Фонарь горел синим огнем – так она утверждает. Но ведь на свете не бывает естественного синего пламени, по крайней мере я о таком никогда не слышал...

– Может быть, вы и правы, – согласилась я. – Хотя работа кухонной девушки может быть невероятно скучной. Так что иногда они что-то выдумывают, чтобы время шло быстрее. Помню, как одна из девушек в Кардиффе, с которой я работала в молодости, была готова поклясться на Библии, что призрак собаки хозяина влетел к ней в окно и исполнил танец семи покрывал⁸, отполировав при этом ее воскресные ботинки, а еще подсказал ей ставку на следующие скачки в Чепстоу.

⁷ Дорогая (*валлийск.*).

⁸ Танец, который станцевала перед правителем Галилеи Иродом Антипой его падчерица Саломея, потребовав за это голову

– И что, она выиграла? – поинтересовался мистер Уикли.

– Лошадь звали Тетушка Джемайма, и она пришла четвертой. А позже ее вообще дисквалифицировали после запроса стюардов⁹. Но я хочу сказать, что все это была выдумка. И я уверена, что прислуга в «Грейндже» тоже все выдумала.

– Но миссис Уикли, она совсем не легковерная. И она считает...

Моя собственная бабушка обладала способностью к «прозрению», как она сама о себе говорила. Поэтому я всегда с пониманием относилась ко всем этим разговорам о сверхъестественном, однако сейчас это уже перешло все границы. Призрак в «Грейндже»? И я решила изменить тему разговора.

– Хорошо, что при пожаре никто не пострадал. Хотя на нас и свалились неожиданные гости.

– Это они путешествуют с шоу живых картинок? – уточнил мистер Уикли, невозмутимо возвращаясь к изначальной причине моего визита.

– Именно они, – подтвердила я. – Леди Хардкасл вызвалась заменить леди Фарли-Страуд, и теперь они останутся в... – меня опять резанул тот факт, что у нашего дома все еще нет собственного названия, – в нашем доме, – вяло закончила я.

– Если вы оставите ваш заказ, мисс, то я прослежу, чтобы посыльный доставил вам его как можно скорее.

Я оставила его кудахтать о выпавшей на его долю удаче и размышлять о том, хватит ли ему картофеля и моркови.

Мистер Холман, булочник, также был приятно обрадован дополнительным заказом и предложил мне специальные условия на свои знаменитые пироги со свининой. Естественно, я согласилась, и он при мне упаковал их, не переставая обещать, что остальной заказ будет доставлен как можно быстрее.

Миссис Пэнтри, владелица продуктовой лавки, была, как всегда, всем недовольна, поэтому покупка у нее товаров на вполне приличную сумму (которую без меня она никогда не заработала бы) превратилась в жуткое испытание.

После этого я с некоторым облегчением нанесла свой последний в то утро визит. Меня всегда очень тепло встречали в мясной лавке Ф. Спратта, пол которой был обязательно посыпан свежими опилками.

Даже колокольчик над дверью – а я уверена, что он был изготовлен на той же фабрике в Мидленде¹⁰, что и колокольчик миссис Пэнтри, – приветствовал меня более радостным перезвоном.

Семья Спраттов была в полном сборе.

Каждый дюйм тела мистера Спратта говорил о том, что передо мной стоит настоящий мясник – надо сказать, что большинство этих дюймов пряталось под его повязанным на животе забрызганным кровью фартуком. Когда он увидел меня, его лицо расплылось в улыбке. Мне хотелось бы думать, что эта улыбка была предназначена только для меня, но, кажется, мистер Спратт встречал ею любого входившего.

– Доброе утро, моя дорогая, – произнес он, кладя свой громадный нож и вытирая руки полотенцем, засунутым за пояс фартука. – Рад вас видеть.

– Доброе утро, мистер Спратт, – поздоровалась я. – Я тоже рада встрече.

Миссис Спратт была занята упаковкой какого-то заказа. Ее пухлые пальцы оказались на удивление гибкими, и упаковывала мясо она гораздо быстрее, чем я могла себе представить.

Иоанна Крестителя.

⁹ Контролеры забегов.

¹⁰ Центральная часть о. Великобритания.

– Обращайтесь к нему по имени Фред, дорогуша, – сказала она, откладывая пакет в сторону. – Все так делают. «Мистер Спратт» звучит слишком величаво для такого увальня, как он.

– А я зову его «наш папа», – вмешалась в разговор Дейзи. – И Уилф тоже. – Уилф был старшим братом Дейзи. Он был обладателем младшего чина в Военно-морском флоте, и я его никогда не видела, хотя все семейство им жутко гордилось.

– Но мисс Армстронг не может звать его «наш папа», потому что он не ее папа, – заметила миссис Спратт. – И вообще, не обращайтесь внимания на Дейзи – она вся как на иголках, потому что этот парень Читэм и его – как она называется, Дейз, труппа? – приезжают к нам в деревню.

– Это правда, Дейзи? Тогда вам понравится то, что я сейчас скажу.

Дейзи подняла голову от грессбуха, в который аккуратно заносила доходы своего отца.

– Они останутся у нас, – произнесла я.

– Не может быть! – воскликнула девушка. – Обладеть можно... А вам еще одна горничная не понадобится? Я могла бы заняться счетами. Или чем-то еще. И мешать я никому не буду. Мне так хочется с ними встретиться! Представь меня, ну пожалуйста...

– Обязательно, – рассмеялась я. – Ты хочешь, чтобы я замолвила за тебя словечко? Может быть, мне удастся получить для тебя роль в его следующей картине...

Она чуть не свалилась в обмороке.

– Это было бы самое лучшее, что могло бы со мной случиться, правда? Я... и в фильме...

– Но ты же уже снималась в одной фильме, дорогая моя, – заметила миссис Спратт.

– Ты про этого парня из Уэстона? – уточнила Дейзи.

– Ну да, – с этими словами миссис Спратт повернулась ко мне. – Это случилось несколько лет назад. Мы все отправились в Уэстон-сьюпер-Мэр. Настоящий выход в свет по-деревенски. И там увидели этого парня с камерой. Ну, вы меня понимаете... – Она жестом показала, как вращает ручку на боку камеры. – И когда он направил ее на нас, мы все стали резвиться – танцевать и все такое. А потом подошел его помощник и дал нам всем буклеты, сказав при этом, что если мы в четыре часа дня придем в церковный зал рядом с променадом, то сможем увидеть себя.

– Вот еще, – подал голос мистер Спратт. – Мы и так могли себя увидеть, просто посмотрев в зеркало. И нас не так легко было пропустить, разгуливающих взад-вперед в наших лучших воскресных одеждах.

– Короче говоря, – продолжила миссис Спратт, не обращая на него внимания, – мы все промаршировали в тот церковный зал, о котором шла речь, заплатили каждый по полпенни и уселись. Совсем скоро появился этот парень, которого мы видели с камерой. Он установил свой волшебный фонарь и закрутил ручку. И вот мы – гигантских размеров – появились на большой белой простыне, которую он растянул на стене.

– Как интересно, – вставила я.

– По правде, должна заметить, что ничего нового мы там не увидели. Хотя интересно увидеть саму себя на экране, да?

– Даже представить себе не могу. – Честно говоря, я уже видела себя на экране несколько лет назад, когда друг леди Хардкасл притащил камеру на вечеринку, но мне не хотелось разочаровывать миссис Спратт.

– Думаю, народу здесь это понравилось бы. Как думаете, этот ваш полковник Читэм сможет устроить что-то подобное для нас? – спросила меня миссис Спратт.

– Мы ничего не потеряем, если попросим его об этом. А ты как думаешь, Дейзи? Так ты сможешь сняться в одной из его картин.

– Это вовсе не то, – она поцокала языком. – Я представляю себя одной из его актрис. Такой всей из себя роскошной... И вообще я думаю, что живые картины скоро победят мюзик-холлы.

– Глупости, – рассмеялся мистер Спратт. – Никакие картинки, мелькающие на стене, не смогут заменить живых артистов. А песни где? А шутки? Ведь после синемаатографа ты не выйдешь на улицу, напевая мелодию себе под нос. Это все блажь и ничего больше.

– Вот уж не думала, что ты такой старомодный скептик, Па, – заметила Дейзи.

– А мне это по жизни не мешает, – добродушно ответил мясник.

– Вот увидишь, я права. Попомни мои слова. А сейчас хватит болтать. Мы задерживаем мисс Армстронг. И самим нам, думаю, надо делом заниматься. Не можем же мы весь день точить лясы.

– Поверьте, – сказала я, – после посещения миссис Пэнтри я наслаждаюсь атмосферой вашей лавки.

– Даже не представляю, как ей все это сходит с рук, – заметил хозяин. – Наверное, людям просто некуда больше идти. Так что мы можем предложить вам теперь, после того как вы вырвались из ее «объятий»? У меня есть отличные свиные отбивные.

– У меня здесь целый список, – сказала я, протягивая ему свой последний листок.

Какое-то время он молча рассматривал его, а потом расхохотался.

– Чтоб я так жил!.. Сколько, вы сказали, у вас будет гостей?

– Всего четверо. Но леди Хардкасл считает, что мы должны раскинуть перед ними скатерть-самобранку.

– Это точно, – согласился он, все еще смеясь. – Мне понадобится какое-то время, чтобы все это приготовить. Позже я пришлю вам посыльного.

– Можно не торопиться. На сегодня нам запасов хватит.

– Между этими синемаатографистами и мистером Хьюзом с его веселой компанией мужчин и женщин... – начала миссис Спратт.

– Мистером Хьюзом? – переспросила я.

– Это предводитель тех шутов, которые стоят перед деревенским залом со своими плакатами, – пояснила миссис Спратт. – В общем, с одной группой, которая приезжает, чтобы продвигать свой синемаатограф, и второй, появившейся здесь, чтобы разоблачить перед жителями деревни его пороки, думаю, нам предстоит насыщенная неделя. Мистер Холман уже заказал больше мяса, чтобы хватило на пироги для всех.

– Что ж, в таком случае я рада, что приношу благие вести и новые заказы на мясо, – сказала я с улыбкой.

И оставила еще одного лавочника размышлять над неожиданными преимуществами приезда гостей из мира живых картинок.

* * *

Когда я вернулась домой, там все было спокойно. Эдна хлопотала по дому, болтая о чем-то несущественном, как будто ничего не произошло. Она вообще любила поболтать ни о чем, и я не обратила бы на это никакого внимания, но Дора явно старалась не попадаться мне на глаза, так что у меня возникло подозрение, что проблема все еще не решена до конца.

Дэви, дай Бог ему здоровья, из кожи лез вон, чтобы продемонстрировать свое дружелюбие и воспитание. Когда я впервые встретила его в «Грейндже», он был ленивым и довольно-таки грубым парнем. Однажды он здорово покрыв нашего друга инспектора Сандерленда по-валлийски и был очень сильно удивлен, когда я ответила ему на том же языке. Когда я узнала его лучше, то поняла, что его сварливость была результатом поразительного отсутствия уверенности в себе. Иногда он долго не мог понять, что происходит вокруг, и сумел убедить себя – без сомнения, не без недоброй помощи со стороны окружающих, – что он настоящий глупый баран.

С этими своими воображаемыми недостатками Дэви боролся вполне традиционным способом, относясь к окружающим агрессивно и враждебно. Люди старались держаться от него подальше, что избавило его от насмешек, но в то же время оттолкнуло от него всех, кроме самых верных друзей. Однако со мной он почему-то никогда не был груб, и мы всегда неплохо ладили. Возможно, это как-то связано с нашими кельтскими корнями.

– Думаю, что на данный момент я сделал все, что мог, мисс Армстронг, – сказал Дэви, чуть позже зайдя на кухню.

Я как раз готовила чай, а мисс Джонс спокойно и умело занималась парой фазанов, которых мы собирались подать на обед.

– Это значит, что комнаты для джентльменов уже готовы? – уточнила я.

– Я проверил умывальники и повесил свежие полотенца. Дора перестелила постели. Мы очистили шкафы и открыли окна, чтобы комнаты немного проветрились. Думаю, что позже я их прикрою, а если надо будет, то кто-то из нас разожжет камин. Вот, как-то так...

– Отлично. Тогда вы как раз вовремя, чтобы выпить чашечку чая и немного передохнуть. Если захотите, то мисс Джонс приготовила scones¹¹.

– Не откажусь, – сказал Дэви, усаживаясь за наш новый стол.

Дело в том, что мы почти год прожили без стола на кухне – он нам просто не был нужен. Хотя, честно сказать, польза от него очень большая. И когда мне надоели вечные стенания Эдны по этому поводу, я наконец уговорила леди Хардкасл его купить.

Поставив чайник на стол, я села напротив и, наливая три чашки, поинтересовалась:

– Ну, и как дела в «Грейндже» после пожара?

– Да в общем, неплохо, – ответил молодой человек. – По мне, так там было много шума из ничего. Когда в кухню вошли, то оказалось, что ущерб совсем небольшой. Все могло быть гораздо хуже.

– Весь дом мог сгореть, – заметила я.

– Вполне возможно, – медленно произнес Дэви, как будто эта мысль впервые пришла ему в голову. – Думаю, именно из-за этого хозяйка в таком шоке. И миссис Браун тоже.

На этот счет у меня было свое мнение – миссис Браун наверняка использовала пожар, чтобы отдохнуть несколько дней, – но я не собиралась выдавать ее, хотя и считала ленивой и грубой старой кошелкой.

Мисс Джонс со вздохом удовлетворения положила второго ошипанного фазана на стол и вытерла руки о передник.

– Присоединяйтесь к нам, мисс Джонс, – предложила я. – Давайте я вам намажу scones маслом.

– Заранее большое спасибо, – ответила кухарка. – Люблю фазанов, но ненавижу ошипывать этих маленьких субъектов.

Я уже собиралась впиться зубами в собственный scon, когда раздался звонок в дверь. Большие часы на кухне показывали полдень.

– Это могут быть наши гости, – сказала я, вставая и разглаживая униформу. – Как говорили у нас в цирке: «Представление начинается».

Я открыла дверь.

Передо мной на ступеньках стояли двое мужчин и две женщины. У меня была всего одна секунда, чтобы определить, кого надо поприветствовать первым. Я подумала, что должна в первую очередь засвидетельствовать свое почтение полковнику Читэму как главному в группе, но как его определить...

Двух женщин можно было исключить сразу. Старшей из них на вид было лет пятьдесят. В молодости она, должно быть, была хороша, и с течением времени ее красота не увяла, а

¹¹ Традиционный хлеб к чаю, выпекаемый небольшими буханками, по размеру соответствующими булочкам.

стала только нежнее. Дни, когда она играла главные роли, уже остались позади, и я бы сказала, как говорили наши театральные друзья, что теперь она стала «характерной актрисой». Но отнюдь не зачуханной. В ее светло-каштановых волосах, там, где они выбивались из-под модной шляпки, виднелась седина, но голубые глаза сохранили тот блеск, что наверняка разбил не одно мужское сердце.

Более молодой женщине было в районе двадцати, и она по всем стандартам была красавицей. Волосы цвета воронова крыла, глаза тоже казались черными. Может быть, красота Елены Прекрасной и отправила тысячу кораблей под Троию, но красота этой девушки легко могла отправить еще тысячу с заданием доставить хрустящей картошки на полпенса.

Совершенно очевидно, что ни одна из них не полковник. Что же касается двух мужчин...

По лицу более молодого, одетого в хорошо сшитый костюм и начищенный котелок, определить возраст было трудно – ему могло быть от тридцати до пятидесяти. Я подумала, что как раз он – актер.

То есть оставался только джентльмен постарше, в немодном пальто и шляпе. Морщины на лице говорили о том, что он много лет провел на солнце, а усы были внушительных, я бы сказала боевых, размеров. Наверняка он – полковник Читэм.

Эти мысли пронеслись у меня в голове за каких-нибудь пару секунд, и я уже собиралась протянуть руку пожилому джентльмену, когда молодой дотронулся до своей шляпы и произнес:

– Добрый день. Я полковник Читэм. А леди Хардкасл дома? Думаю, она нас ожидает.

У него был северный акцент. Хотя я и не большой специалист в определении, по какую сторону Пеннинских гор¹² родился тот или иной человек. Знаю, что люди с севера здорово злятся, когда вы ошибаетесь в месте их рождения, как будто Война роз велась между двумя областями Англии, а не между двумя ветвями Плантагенетов, но я бы сказала, что родился он в Ланкашире. Или, возможно, в Манчестере. В 1902 году, когда нам надо было достать кое-какие документы в одном из европейских посольств в Лондоне, на нас работал один медвежатник. Он был лучшим в своем деле, и акцент у него был такой же, как у этого Читэма.

– Ну конечно, сэр, – сказала я, слегка присев, – она действительно вас ожидает. Прошу вас, входите. – И сделала шаг в сторону, чтобы дать им пройти.

Каждый из них нечленораздельно поблагодарил меня и спокойно подождал, пока я приняла их шляпы и пальто и повесила их рядом с дверью.

Дэви хорошо знал свои обязанности и, выйдя через заднюю дверь, помог своему коллеге Берту с багажом. Пока авто тарахтело в конце аллеи, он перетаскал чемоданы в холл. Когда, наконец, входная дверь закрылась, отнес их наверх.

Я уже собралась было сходить за леди Хардкасл, но та сама появилась из кабинета и избавила меня от этого.

– А, так вы наконец добрались до нас, – сказала она. – Очень рада. Добро пожаловать. Я Эмили, леди Хардкасл. Как я вижу, с мисс Армстронг вы уже познакомились.

– Благодарю вас, миледи, – произнес полковник Читэм. – Нас не представили, но слухи о ее репутации идут впереди нее. Нолан Читэм к вашим услугам.

В последнее время я слышала подобное все чаще и чаще. И вовсе не была уверена, что мне вообще нужна репутация, все равно, хорошая или нет.

– Как поживаете, полковник Читэм?

– Прошу вас, миледи, мой чин – это, скорее, почетное звание. Я еще юношей добровольно вступил в ряды Ланкаширского ополчения и вот постепенно дорос до полковника, но в последние годы не участвую в сборах. Особенно с тех пор, как ополчение стало частью Специ-

¹² Невысокие горы, разделяющие Северную Англию на западную (регион Северо-Западная Англия) и восточную (регионы Северо-Восточная Англия и Йоркшир и Хамбер) части.

ального резерва¹³. От этого названия за версту разит выдержанным портвейном. Зовите меня просто Нолан.

Улыбнувшись, леди Хардкасл наклонила голову в знак согласия.

– А ваши коллеги? – поинтересовалась она.

– О, прошу прощения, – мужчина указал на старшую из двух женщин. – Позвольте представить вам Зельду Драйтон, одну из лучших актрис в Англии и прекрасную, но жестокую злодейку в моей последней фильме.

Зельда улыбнулась.

– Теперь мисс Юфимия Селвуд, – продолжил полковник, – восходящая звезда и наша потрясающая главная героиня.

Молодая женщина слегка покраснела, но было видно, что она довольна тем, как ее представили.

– А вот этого старого негодяя зовут Бэзил Ньюхаус. Он начал играть на сценах английских театров еще до того, как родился любой из здесь присутствующих, но решил одарить своим талантом зрителей живых картин и сыграл роль благородного героя.

Ньюхаус низко поклонился.

– Восхитительно, – сказала леди Хардкасл. – Добро пожаловать. А теперь, если нам удастся найти...

Дэви выбрал идеальный момент, чтобы спуститься по лестнице.

– А, вот вы где, Дэви. Самое время. Джентльмены, Дэви покажет вам ваши комнаты. А Дора...

– Она наверху, миледи, – подсказал Дэви.

– Великолепно. Дора поможет устроиться дамам. Эти люди будут ухаживать за вами. После того как вас устроят, вы можете немного передохнуть и прийти в себя. Давайте встретимся на ланч в час дня в столовой? Нам с вами есть о чем поговорить.

Я оставила наших гостей и вернулась на кухню, чтобы помочь мисс Джонс с приготовлением ланча.

¹³ Создан в 1908 г. как источник живой силы для регулярных частей Британской армии.

Глава 3

Гости спустились вниз все вместе. Было ясно, что они собрались в чьей-то комнате – скорее всего, у полковника Читэма, – чтобы не спускаться поодиночке.

Леди Хардкасл ждала их в столовой.

– Прошу вас, проходите и почувствуйте себя как дома, – пригласила она, увидев, как Зельда заглянула в дверь. – Боюсь, что у нас здесь все по-простому. И заранее прошу прощения, если вы рассчитывали получить обслуживание по высшему классу. Это здорово получается у леди Фарли-Страуд, но мне кажется, что для нас с Армстронг – а мы большую часть времени проводим вместе – это все никому не нужная суматоха.

Четверо гостей вошли в комнату.

– Прошу вас, рассаживайтесь без церемоний. – Леди Хардкасл обвела рукой стулья, стоявшие вокруг стола. – Эдна сейчас появится. Я послала ее за вином. Вы же пьете вино за ланчем? Не чувствуйте себя обязанными это делать, но я люблю пропустить бокал в хорошей компании.

Негромко переговариваясь, четверка разошлась по комнате, и каждый выбрал себе место по вкусу. Я тем временем молча стояла у буфета.

– А теперь, – продолжила миледи, – хочу сразу сказать об этом, потому что у некоторых людей это вызывает беспокойство. Мисс Армстронг работает у меня с девяносто четвертого года, и мы проводим очень много времени вдвоем. Поэтому привыкли есть вместе. И я попрошу ее присоединиться к нам.

Актеры вновь пробормотали что-то нечленораздельное. Я была уверена, что ни один из них не имел ни малейшего понятия, где должна быть личная горничная дамы, и теперь чувствовали себя более неудобно, чем если бы я просто села за стол вместе со всеми. Но я решила, что это не моя проблема, и просто заняла свободное место.

Эдна принесла вино, а сразу же вслед за ней появилась мисс Джонс с первой переменной блюд. Мы решили, что свиные пироги мистера Холмана – это именно то, что надо, но мне было жаль, что сезон салатов давно прошел. Хотя мисс Джонс это не очень беспокоило. У нее были свои идеи о «зимних» салатах, включающих капусту и другие сырые овощи. Вместе с хлебом и ее вкуснейшими чатни¹⁴ получился восхитительный осенний ланч, во время которого ей пришлось трижды сходить на кухню, чтобы выставить все приготовленные блюда, и это несмотря на то, что Эдна активно ей помогала.

– Выглядит все просто потрясающе, – заметил полковник Читэм. – Надеюсь, что мы не доставили вам слишком много неудобств.

– Глупости, – ответила леди Хардкасл. – Никаких неудобств. И вы делаете нашей деревне большую услугу, привезя сюда ваши живые картины. Я помню передвижные установки, которые путешествовали по стране всего несколько лет назад, но сейчас они, кажется, утратили популярность. И людям приходится ехать в большие города. Увидеть подобное великолепное зрелище для многих большая редкость.

– Тогда я надеюсь, что мы вас не разочаруем. Мы устроили несколько частных просмотров нашей новой фильма для людей из нашей «сферы», и ее очень хорошо приняли. Надеюсь, что энтузиазм простой публики будет не меньшим. Честно сказать, мы здорово зависим от этого успеха. Живые картины – дорогое удовольствие. Нам надо привлечь на свою сторону публику с деньгами. Но у нас большие надежды – да и время года выбрано удачно.

– Вы о наступающей зиме?

– Нет, миледи, я о черной магии, – ответил полковник с загадочной улыбкой.

¹⁴ Пряные индийские блюда из овощей и фруктов, использующиеся, как правило, в качестве соусов и намазок.

- Ах, вот вы о чем... Как мило. А вы все, значит, играете главные роли?
- Да, миледи, – ответила Зельда. – Я играю ведьму, молодая Юфимия – деревенскую девушку, а милый старина Бэзил – главный охотник на ведьм.
- Сейчас для этого лучшее время года, – вмешался в разговор Бэзил Ньюхаус. – Хеллоуин и все такое. А еще этот загадочный пожар в доме леди Фарли-Страуд...
- Зельда схватила щепотку соли и швырнула ее через левое плечо¹⁵.
- ...думаю, что это привлечет к нам большую аудиторию, – закончил актер.
- Взгляд Юфимии, который она бросила на него, был почему-то неодобрительным.
- Жду с нетерпением, – заметила леди Хардкасл.
- Леди Фарли-Страуд говорила мне, что вы тоже делаете живые картины, – сказал Читэм.
- Да это все так, эксперимент, – ответила миледи. – Несколько лет назад в Париже на презентации «Путешествия на Луну» мы встречались с месье Мельесом¹⁶. На меня встреча произвела большое впечатление, и с тех пор я этим балуюсь. Как дилетант, вы же понимаете.
- Глупости. Я очень хотел бы это увидеть. Мы оставили для вас место в нашем шоу.
- Благодарю вас.
- Как я понимаю, у вас собственное оборудование? – спросил Нолан.
- У меня небольшая студия в саду, – пояснила миледи. – Изначально помещение предназначалось под оранжерею, но там прекрасное освещение, и оно хорошо мне служит.
- Я хотел бы взглянуть на нее до нашего отъезда. Если, конечно, вы не возражаете.
- Мне будет приятно показать студию профессионалу. – Хозяйка повернулась к Юфимии. – А вы давно на сцене, мисс Селвуд?
- С самого младенчества, – ответила та. – Моя старушка выступала в мюзик-холлах, так что, можно сказать, я родилась на сцене.
- В то время как у Зельды был хорошо интонированный голос классической актрисы, Юфимия говорила, как лавочница с одного из самых занюханых лондонских рынков.
- Ваша мать – Милли Селвуд? – с удивлением спросила я.
- Вы правы, мисс, – ответила девушка. – А вы что, о ней слышали?
- Мы с ней встречались.
- Леди Хардкасл вопросительно приподняла бровь.
- В театре Хэкни, миледи. В девятьсот третьем году. Португальская история.
- Ах да, – хозяйка кивнула.
- Юфимия рот открыла от изумления.
- Я так и знала, что видела вас раньше... Вы же приходили за кулисы, правда? Боже, да это же было в тот вечер, когда застрелили Джимми Браунлоу. Я тогда была у мамы.
- Боюсь, что это действительно были мы, дорогая, – провозгласила леди Хардкасл. – Хотя, честно говоря, его смерть была лишь вопросом времени.
- В газетах писали, что он шпион, – заметила Юфимия.
- Насколько я помню, он был неплохим комиком, а вот талантом шпиона Бог его обделил, – пренебрежительно продолжила леди Хардкасл. – Скорее, он был просто пронырливым авантюристом. Этот глупый коротышка решил, что сможет стать богатым, будучи двойным агентом в мире международного шпионажа. И влип с головой. Рано или поздно его достали бы – просто случилось так, что мы добрались до него первыми.
- И вы его застрелили? – спросил Бэзил, уронивший от удивления вилку с едой. – Ничего себе...

¹⁵ Считается, что это отгоняет нечистую силу.

¹⁶ Мари-Жорж-Жан Мельес (1861–1938) – французский кинематографист, один из зачинателей кинематографического искусства и создатель первых спецэффектов.

– Боюсь, что он не оставил мне выбора. Армстронг обезоружила его, но у него в носке – вы только подумайте – оказался «дерринджер»¹⁷. И он наставил его на нее. Нельзя так поступать и рассчитывать, что это сойдет вам с рук.

– Боже правый! – воскликнула Зельда, обмахиваясь рукой. – Этого просто не может быть!

– А вот и может, Зельда, – вставила Юфимия. – Я видела это собственными глазами.

– В театре?

– А что ты так раскудахталась, Зел? Можно подумать, что ты всю жизнь прожила в монастыре, хотя в жизни повидала больше, чем все мы, вместе взятые...

Зельда фыркнула, но больше ничего не сказала. Должна признаться, что я в какой-то степени была согласна с Юфимией – реакция Зельды выглядела немного... наигранной.

– А вы не так просты, как кажетесь на первый взгляд, – заметил полковник. – Я думал, что это мы будем развлекать вас разными историями, но готов поклясться, что у вас тоже есть что рассказать. Не хочу сказать ничего плохого о леди Фарли-Страуд и ее доме, но совсем не жалею, что в конце концов оказался у вас, миледи.

Он перевел разговор в более спокойное русло, и, поглощая «зимний» салат мисс Джонс, мы стали делиться менее напряженными воспоминаниями и анекдотами. К тому времени, когда Эдна принесла кофе, разговор практически закончился, и леди Хардкасл как раз приглашала Читэма взглянуть на ее студию в оранжерее.

– Всех остальных я, конечно, тоже приглашаю, – сказала она. – Хотя, мне кажется, моя студия не произведет большого впечатления после всех тех мест, в которых вам приходилось работать.

Актеры вежливо согласились, хотя взгляды, которыми они обменялись, – так, по крайней мере, мне показалось, – говорили о том, что моя хозяйка несколько преувеличивает волшебство мира кинематографа.

– Думаю, что мы все пойдем, – решил за всех Читэм. – Мне кажется, это здорово, что люди вновь интересуются живыми картинами. Ведь когда-то это всех так захватило... Нынче уже не то. Помню времена, когда я устраивал представления по стране, снимая простых людей за их повседневной работой по утрам, днем успевал проявить пленку и демонстрировал ее им же вечером. Проходило это на ура! А сейчас – нет. Кажется, люди этим пресытились.

– Хорошо, что вы сами об этом заговорили, – вмешалась я в разговор. – А то я все никак не могла придумать, как перейти к этому делу. Сегодня утром я говорила с женой мясника, и она вспоминала какого-то парня в Уэстон-сьюпер-Мэр, который несколько лет назад делал именно это. Я еще тогда подумала, а не удастся ли нам уговорить вас сделать здесь нечто подобное?

– Мисс Армстронг, вам нечего стесняться, когда речь идет о возможности для меня показать мой товар с лучшей стороны, – ответил полковник. – Конечно, я могу попросить прислать мне сюда необходимое оборудование, если вы думаете, что местным это будет интересно. Уверен, мы сможем найти время, чтобы проявить пленку, но...

– Если вопрос только во времени, – вмешалась леди Хардкасл, – то, может быть, я смогу вам кое-чем помочь. Например, я могу проявить пленку здесь, а если вы покажете мне, как пользоваться вашей камерой, то смогу что-то снять вместо вас.

– Тогда все становится вполне возможным. Очень даже возможным. Обожаю следить за реакцией людей, когда они видят себя на экране. Просто я думал, что это уже никого не интересует, и не трачу на это время.

– Тогда мы обо всем договорились, – заключила миледи. – Я очень рада, что вы заговорили об этом, Армстронг. Это будет здорово.

Я улыбнулась.

¹⁷ Тип карманного пистолета.

– Ладно. А теперь давайте посмотрим на оранжерею до того, как начнется дождь, а потом мы дадим вам возможность отдохнуть. Долгий путь и хорошая еда кого угодно уложат в кровать. Обед будет не раньше восьми, так что у вас будет масса времени, чтобы восстановиться.

Мы все встали из-за стола.

Я предоставила им отправиться на экскурсию, а сама возвратилась на кухню и предложила там свою помощь.

* * *

После того как от моей помощи вежливо отказались, я поднялась на второй этаж. Мне надо было взять платье леди Хардкасл из ее шкафа – его кружевной воротничок требовал ремонта. Я уже взялась за ручку двери в спальню, когда жаркий спор в одной из комнат для гостей заставил меня остановиться. Я не могла разобрать слов, но мне показалось, что они доносятся из комнаты Бэзила Ньюхауса, которая выходила на лестничную площадку. Мистер Ньюхаус спорил с женщиной.

Дверь в его комнату распахнулась, а я поспешно вошла в комнату леди Хардкасл. Прежде чем закрыть за собой дверь, отчетливо услышала голос Юфимии Селвуд, произнесшей: «Тебе стоит поостеречься, Бэзил. Иначе ты можешь умереть».

Захлопнув дверь, она с шумом прошла в свою комнату, где еще раз громко хлопнула дверью. Я не знала, что послужило причиной этого спора, но вот реакция на него Юфимии показалась мне не менее мелодраматичной и наигранной, чем реакция Зельды на наш рассказ за ланчем. Что ж, по крайней мере, они внесли оживление в нашу жизнь.

* * *

Убедившись, что приготовления к обеду идут как надо, и починив воротник платья, я спряталась в гостиной, чтобы провести немного времени за чашкой чая и книгой. Уютно устроившись в одном из удобных кресел, я полностью погрузилась в «Ведьминские истории» Элизы Линн Линтон, которые нашла валяющимися на полке.

Я как раз просматривала рассказ «Элспет Курсеттер и ее друзья», когда услышала чьи-то легкие шаги в холле. С поворотом ручки дверь открылась, и в нее осторожно заглянул мистер Ньюхаус.

– А-а-а, – сказал он, – прошу прощения, что побеспокоил, моя дорогая.

– Все в порядке, мистер Ньюхаус, – ответила я. – Прошу вас, заходите. Я просто решила немного отдохнуть. Не знаю, остался ли еще чай, но можно без проблем приготовить новый чайник.

– Вы очень добры. По правде говоря, я ищу место, где можно было бы насладиться сигарой... Вы не будете возражать?

– Прошу прощения, сэр, но леди Хардкасл не очень любит сигарный дым.

– Не беда, не беда, – любезно ответил он. – Такое часто бывает в домах, где живут одни леди. Я все понимаю. Выйду в сад.

– Ой, – сказала я, коря себя за то, что мы оказались такими негостеприимными хозяевами. Я еще не забыла о его стычке с Юфимией и подумала, что, возможно, ему надо немного успокоиться. – Но ведь там идет дождь. Знаете что, а как вы посмотрите на то, чтобы прогуляться до деревенского паба? Я поговорю со своей приятельницей, которая там работает, а вы сможете насладиться вашей сигарой. Никто не будет возражать. Кроме того, я смогу познакомиться вас с местными жителями – уверена, они будут в восторге от встречи с актером.

– Всегда рад встретиться со своей публикой, – сказал Ньюхаус со смехом. – Хотя... сомневаюсь, что на кого-то это произведет большое впечатление. И потом... – Тут он замолчал на мгновение. – Разве по дороге в паб мы не вымокнем точно так же, как я вымокну в вашем саду?

– Вы правы. Но в саду вы будете стоять в грязи в одиночестве. А если мы сделаем так, как предлагаю я, то я смогу похвастаться вами перед своей подружкой Дейзи.

– Вам трудно возразить, мисс Армстронг, – согласился актер. – А вас здесь не хватается?

– Обязательно. Все здесь обязательно замрет, как только я уйду. Но, принимая во внимание нынешние обстоятельства, я чувствую себя обязанной показать вам округу и местные достопримечательности.

– Ага. Раньше таких людей, как вы, называли «вожаками медведей», – актер кивнул. – «Гранд Тур» прибывает в Глостершир. Поселянам не стоит пугаться при виде молодой леди, в одиночестве сопровождающей пользующегося дурной славой старого актера?

– Многое из того, что я делаю, как раз и пугает местных жителей, – ответила я. – Но я перестала обращать на это внимание.

– И правильно. А теперь, если вы поможете мужчине разыскать его шляпу...

Я встала с кресла и провела его в холл. Он как раз надевал с моей помощью пальто, когда зазвонил телефон.

– Алло, – ответила я, – Чиппинг-Бевингтон два-три слушает.

– Алло, – произнес в трубку громкий узнаваемый женский голос, – Армстронг? Это опять вы? – Со мной говорила леди Фарли-Страуд.

– Да, миледи, – ответила я. – Если вы подождете минутку, я позову леди Хардкасл.

– Да, дорогая, – прокричала она. – Благодарю вас!

Мне показалось, что ее слух слегка улучшился.

А в это время из своего кабинета появилась леди Хардкасл.

– Герти? – спросила она.

Я кивнула, и хозяйка взяла у меня слуховую трубку.

– А мое пальто в прихожей, – сказала я Ньюхаусу. – Вернусь через минуту.

Я вернулась через пару минут в шляпке и плаще. Взяв два зонта из стойки возле двери, попыталась привлечь внимание леди Хардкасл – та как раз успокаивала леди Фарли-Страуд, что мистер Читэм и его сопровождающие отлично устроились. Чтобы окончательно не оглохнуть, миледи приходилось держать слуховую трубку на некотором расстоянии.

– Отличная работа, – вещал дребезжащий голос. – Может быть, я загляну позже. Просто покажусь. Вы не будете возражать?

Пока она говорила, я одними губами произнесла слово «паб», и леди Хардкасл знаком показала, что поняла меня, после чего весело помахала нам вслед. Уходя, мы услышали, как она приглашает чету Фарли-Страуд заходить, когда им захочется.

* * *

В деревенском пабе «Пес и утка» кипела жизнь. Нынешним владельцем был старина Джо Арнольд, чья семья владела заведением вот уже несколько поколений. Он был добряком с сердцем, не ведающим, что такое злоба, и ртом, не знающим, что такое зубы. Прожив в деревне Литлтон-Коттерелл чуть больше года, мы с леди Хардкасл так до сих пор и не удостоились лицезреть ту, которую Джо называл «наша Ма». Мы только предполагали, что речь идет о его жене, а местоимение «наша» означает, что где-то на свете существуют еще и Арнольды-отпрыски, ни одного из которых мы тоже не знали.

Пройдя мимо общего бара, мы вошли в огороженную часть, наблюдая через открытые двери за обычным сборищем местных фермеров и батраков, толпящихся вокруг столов в общем баре. Они наполняли помещение громкими разговорами, хриплым смехом и облаками

густого табачного дыма. В одном углу старый Джо общался с парочкой своих постоянных посетителей.

Внутреннее помещение, напротив, было практически пустым. Миссис Гроув, домохозяйка-викария, за порцией шерри внимательно выслушивала рассказ своей приятельницы о свалившихся на ту невзгодах. Мне показалось, что я узнала ее собеседницу, но не могла вспомнить ее имени. Что-то смутно подсказывало мне, что она – жена одного из фермеров, живших на другой стороне деревни, а ее полный разочарования рассказ о мучениях, связанных с дойкой коров, только подтвердил мои предположения.

Кроме этих женщин здесь находились еще двое – мужчина и женщина, которых я вообще не знала. Женщина была молодой стройной блондинкой, одетой в очень дорогой на вид темный жакет и соответствующую юбку. Одежда была сшита из тонкой шерсти и скроена настолько модно, что было сразу понятно, что она городская жительница. Ее спутником был джентльмен, которому, на первый взгляд, было немного за сорок. Как и молодая женщина, он явно не относился к сельским жителям. Но если о ней, судя по ее одежде, можно было сказать, что она состоятельная светская львица, одевшаяся в деловой костюм, то у него был более богемный вид, и одет он был, скорее, как художник. Седеющие волосы были не причесаны и торчали в разные стороны. Борода в стиле ван Дейка¹⁸ была длинноватой, а усы лихо закручены. Вельветовая куртка была насыщенного изумрудного цвета, а шелковый галстук с очень ярким и пестрым узором, казалось, существовал отдельно от воротничка рубашки. Эти двое были явно не местные.

– Великий Боже, – пробормотал себе под нос мистер Ньюхаус, – этого нам только не хватало.

Я не успела спросить его, что он имеет в виду, как за стойкой появилась Дейзи.

– Фло! – воскликнула она. – А я все думаю, когда же ты появишься.

– *Prynhawn Da*, Дейзи, *fach*, – поздоровалась я.

И она, и мистер Ньюхаус вопросительно посмотрели на меня.

– Добрый день, Дейзи, дорогая, – перевела я. – Вообще-то здесь с вершины церковной колокольни можно доплюнуть до Уэльса, но ни одна живая душа не говорит по-валлийски. Даже Блодвен Джонс не понимает половины из того, что я говорю. *Блодвен!* С таким именем невозможно быть еще более валлийкой – разве что сделать на предплечье татуировку дракона¹⁹!

– Детка моя, для меня все то, что ты сейчас говоришь, – это полная ерунда, – ответила Дейзи.

– Счастье твое, что ты такая хорошенькая, язычница несчастная. Иначе у тебя не было бы никаких шансов.

Дейзи одарила меня высокомерной гримасой и сделала книксен.

– И что же заставило вас прийти в это изысканное заведение Джо в столь дождливый день? – спросила она.

– Мистер Ньюхаус, – сказала я вместо ответа, – позвольте мне представить вам мою добрую подругу Дейзи Спратт. Дейзи – это известный актер мистер Бэзил Ньюхаус.

– Добрый день, милочка, – поздоровался мистер Ньюхаус с изысканным поклоном.

– Боже мой! – воскликнула Дейзи. – Это действительно вы? Правда?!

Джентльмен, сидевший за столом, громко и четко произнес: «Фу ты!»

– Я – это действительно он, – сказал мистер Ньюхаус. – Означает ли ваша реакция то, что вы уже обо мне слышали?

¹⁸ Аналогичный эспаньолке тип бороды, получивший наименование в честь фламандского художника XVII в. Антониса ван Дейка.

¹⁹ Красный дракон И-Драйг Гох – символ Уэльса.

– Все уже слышали о тебе, нелепый ты старикашка, – пробормотал художник. – Твой хозяин-вор позаботился об этом.

Я повернулась лицом к его столу.

– Добрый день, сэр. Меня зовут Флоренс Армстронг. Как я понимаю, вы знакомы с гостем моей хозяйки, а вот кто вы...

– Аарон Орум, – ответил мужчина с ухмылкой. – К вашим услугам.

– Рада встрече с вами, мистер Орум. – С этими словами я вновь повернулась к Дейзи.

– Я действительно о вас слыхала, мистер Ньюхаус, – сказала та. – Я читаю все журналы и все о вас знаю.

Мистер Орум вновь громко выразил свое неодобрение.

– А в общем зале народу много? – поинтересовалась я.

– Много, – ответила Дейзи. – Но, мне кажется, у окна есть свободный столик.

– Может быть, перейдем? – Я показала мистеру Ньюхаусу на распахнутую дверь, ведущую в общий бар.

Тот искоса посмотрел на мистера Орума, который все еще с насмешкой смотрел в нашу сторону.

– А почему бы и нет? – весело спросил он. – Давайте не будем мешать этим двоим общаться.

Я прошла вслед за ним в соседний зал и прикрыла за собой дверь.

– Могу я вас чем-то угостить? – спросил актер, пока я усаживалась.

– Бренди выпью с удовольствием, – ответила я.

– Вот это я понимаю, наш человек.

Мистер Ньюхаус целенаправленно прошел к бару, игнорируя любопытные взгляды, которыми провожали его поселяне и батраки. Как по волшебству, за стойкой возникла Дейзи. Она полностью завладела бедняжкой Ньюхаусом и, по-моему, подвергла его настоящему допросу, пока наливала напитки. Из-за шума я не слышала, о чем они говорят, но по его покашливанию поняла, что вопросы сыпались из нее как из рога изобилия. В конце концов, он, казалось, смог взять разговор под свой контроль и умудрился сам задать несколько вопросов.

Наконец мистер Ньюхаус вернулся и поставил на стол два стакана бренди.

– Ваша подружка – это нечто, – сказал он и сел за стол. – Ваше здоровье. – Мы сдвинули стаканы.

– Она просто слишком перевозбудилась, встретив вас. Вот и все.

– Но она прекрасно информирована.

– Дейзи любит все эти сплетни из журналов, – объяснила я. – Более того, мне кажется, она любит читать о живых картинах гораздо больше, чем смотреть их. Летом я пригласила ее с собой в город, чтобы посмотреть «Переборщили с лобстером» и парочку других комедий, но ее это совсем не заинтересовало.

– Меня это не удивляет, – рассмеялся актер. – Жуткая вещь.

– Хотя название отличное.

– С этим я соглашусь.

– Так что это за история с мистером Орумом? – спросила я. Деликатность и осмотрительность вещи хорошие, но иногда надо идти напролом. – И кто эта женщина?

– Он... – начал было Ньюхаус. – Понимаете, можно сказать, что он тоже имеет отношение к лицедейству. Позвольте мне раскурить сигару, и я вам все о нем расскажу.

Пока он возился с сигарной гильотинкой и спичками, я посмотрела на стойку. Дейзи была занята разговором с одним из молодых работников с фермы, но когда заметила мой взгляд, то улыбнулась и подмигнула мне. Я решила, что хотя бы один человек здесь действительно рад тому, что я решила привести нашего гостя-актера в бар.

– То, что доктор прописал, – сказал мистер Ньюхаус, выпустив первый клуб дыма. – Мечтал об этом с самого ланча.

Я позволила ему насладиться еще парой затяжек сладко пахнущего дыма.

– Итак, – сказал он наконец, – о чем мы говорили?

– О мистере Оруме.

– Ах да. Печальная повесть о Аароне Оруме и Нолане Читэме. Я удивлен, что вы об этом ничего не знаете.

– Боюсь, что я слежу за миром развлечений не так пристально, как мне хотелось бы. Когда-то я знала все обо всех, но те времена давно прошли.

– Неужели? То есть вы как-то связаны с театром?

– Мой отец метал ножи в цирке. Великий Колтелло.

– Бог мой! – воскликнул актер. – Какая экзотика! А мой отец работал камердинером у джентльмена из Северного Лондона. Наши жизни являются вывернутыми наизнанку версиями друг друга.

– Но от своей я не отказалась бы и за тысячу фунтов. Я обожала и все еще обожаю цирк – хотя работа на леди Хардкасл тоже полна приключений.

– Могу только догадываться, – заметил Ньюхаус. – История, которую вы рассказали за ланчем, оставила больше вопросов, чем ответов, хотя она, без сомнения, говорит о жизни, полной тайных интриг.

Я улыбнулась. Мне стало понятно, что его будет трудно удержать в жестких рамках. Как и многие деятельные люди, он имел привычку часто отвлекаться от своей истории.

– Вы собирались рассказать мне о господах Читэме и Оруме.

– Именно, именно так, дорогая... – Ньюхаус в задумчивости затянулся сигарой. – Представьте себе Манчестер, – продолжил он в театральной манере. – Тысяча восемьсот шестидесятый год. Двое мальчишек росли на улицах одного из величайших индустриальных центров Империи. Родившиеся на одной и той же улице с разницей всего в неделю, Аарон и Нолан – лучшие друзья. Они неразделимы. Как братья – так они сами говорили. Вместе играли во всевозможные игры, вместе строили планы на будущее, вместе озорничали.

Их родители работали на фабрике. Они были бедны, но пользовались уважением у окружающих. Зарабатывали не много, но на жизнь этого хватало. Однажды они скопили кое-какие деньги, чтобы отвести мальчиков в театр и устроить им совместный день рождения. Шоу полностью покорило ребят. Все эти песни, шутки, реакция аудитории... Именно тогда они бесповоротно решили, чем будут заниматься, когда вырастут.

– Мне знакомо это чувство, – вставила я. – Я работала сутками напролет, чтобы научиться тому, что умел мой отец. Я хотела занять его место. И дело было не в том, что я хотела, чтобы меня обожала публика, – я хотела, чтобы она восхищалась моим искусством так же, как я восхищалась искусством отца.

– Со мной все гораздо проще, – Ньюхаус самокритично кашлянул. – Я всегда хотел, чтобы меня любили и обожали. Но на каждого из нас эта страсть развлекать других людей действует по-разному, и эти двое молодых людей не были исключением. Ни один из них не хотел стать актером, певцом или комиком. Будучи ребятами с воображением, склонными к творчеству, они были потрясены самим процессом создания художественной постановки. Юный Аарон был захвачен волшебством слов и диалогов, произносимых со сцены. Он хотел писать тексты, которые будут произносить актеры. А Нолана захватила техническая сторона процесса – декорации, звуковые эффекты, оборудование, возможные профессиональные уловки. Он хотел сам создавать это волшебство.

Как и родители, они пошли работать на фабрику, но не могли забыть о своих мечтах. В задних комнатах пабов, в деревенских залах – везде, где только возможно, лишь бы места было достаточно, – они устраивали представления для своих друзей. О собранной ими труппе

актеров стали упоминать в газетах. Вскоре они получили возможность ставить свои собственные шоу в небольшом городском театрике. К ним пришло признание. Мир лежал у их ног. А потом...

– Они поссорились? – предположила я.

– Хуже, моя дорогая, – ответил рассказчик. – До сих пор ни один человек на земле, кроме них самих, не знает, что развело этих двух вечных друзей. Но что-то их развело. Между ними возникла непримиримая вражда, и они больше никогда не разговаривали друг с другом. И с той самой поры их карьеры развиваются каждая по отдельности. Аарон Орум продолжил работать в театре. Нолан Читэм остался там же, но на непродолжительное время. Он столкнулся с чем-то совсем новым и открыл для себя место, где с помощью техники можно превзойти все, о чем только можно мечтать на сцене, – живые картины.

– Понятно, – сказала я. – Но зачем Орум приехал сейчас сюда? Судя по его поведению, речь вовсе не идет о какой-то попытке примирения.

– К сожалению, вы правы, – согласился Ньюхаус. – Последней вещью, над которой они работали вдвоем, была пьеса о ведьме из восемнадцатого века, великая сила которой была разрушена ее собственной мелкой завистью. Они рассорились еще до начала постановки. Пьесу так никто и не исполнил на сцене.

– Ага, – сказала я, заерзав на стуле. – Но ведь это же сюжет новой фильма Читэма. Это объясняет, что Орум имел в виду, когда только что назвал Читэма вором.

– Если коротко, – продолжил актер, – в течение нескольких месяцев он посылал Читэму маловразумительные с правовой точки зрения письма с угрозами засудить его в случае, если тот не выплатит авторский гонорар и отчисления, которые, как считает Орум, Читэм ему должен. Наверное, Нолан уже устал от этих писем, и сейчас речь может идти о физическом столкновении.

– Нам надо будет сделать так, чтобы это не помешало сеансам на нынешней неделе, – сказала я. – Леди Фарли-Страуд проделала серьезную работу, чтобы все это организовать. Мне бы не хотелось, чтобы все ее усилия были разрушены старой ссорой между бывшими друзьями.

– Нам, естественно, придется предупредить Читэма. Но вряд ли мы сможем сделать что-то еще.

– Думаю, вы правы... А мы знаем, кто эта женщина?

– Ни малейшего представления, дорогая.

Не успела я сделать глоток бренди, как дверь внезапно распахнулась. Она громко стукнулась о стену, и все на мгновение замолчали, наблюдая, как из нее, держа неизвестную женщину под руку, вышел Аарон Орум. Она смеялась над чем-то, по-видимому, очень забавным, что он только что сказал ей, и смотрела на него восхищенным взглядом. Заметив, что я гляжу на них, Орум одарил меня презрительной улыбкой.

Он распахнул дверь, и парочка вышла в сгущающиеся сумерки. На мгновение Орум остановился, чтобы открыть зонт, и они исчезли из виду.

* * *

К тому времени как мы вернулись, дом наполнился звуками человеческой деятельности. Было такое впечатление, что другие гости тоже решили покинуть свои комнаты.

Двух женщин, Зельду и «Фими», мы обнаружили в гостиной за чаем и дружеской беседой. Я оставила с ними мистера Ньюхауса и отправилась на поиски леди Хардкасл.

Я нашла ее в столовой вместе с мистером Читэмом. Разложив на столе какие-то бумаги, они склонились над ними, внимательно изучая. Когда я постучала в дверь, они оторвались от них.

– А, это вы, Армстронг, – сказала леди Хардкасл. – Наконец-то. Спасибо, что взяли на себя мистера Ньюхауса. С ним все в порядке?

– Абсолютно, миледи. Он захотел выкурить сигару, и я отвела его в «Пса и утку»...

– Где вы познакомили его с Дейзи, – продолжила миледи.

– Именно. Вроде как убила двух зайцев одним выстрелом.

– Отлично. Мистер Читэм показывает мне кое-какие рисунки и заметки, которые он делает, прежде чем приступить к работе над фильмой. Должна сказать, что я все больше и больше чувствую себя полным профаном, каковым, в сущности, и являюсь. Я никогда так тщательно не готовлюсь к съемкам, – с этими словами она махнула рукой в сторону кучи бумаг. – Вы только посмотрите. Детальная разработка содержания, мысли о том, как организовать кадр... даже набросок маленького, но совершенно очаровательного приспособления для спецэффектов. Удивительная изобретательность.

На лице Читэма появилось подходящее к случаю застенчивое выражение, но было ясно, что он купается в ее восхищении.

– В баре, мистер Читэм, мы столкнулись с вашим старым... «другом», – сообщила я. – С мистером Орумом.

– Черт, – произнес он, нахмурившись. – Он вам что-нибудь говорил? Надеюсь, что он не был груб с вами.

– Достаточно груб, но не слишком противен. Так, поязвил немного.

– Это на него похоже, – печально сказал режиссер. – Он был таким всегда. Уверен, что он приехал, чтобы устроить скандал.

– Сам он этого не говорил, но мистер Ньюхаус рассказал мне вашу историю, так что я могу только вообразить себе, что он собирается сделать.

Леди Хардкасл вопросительно приподняла бровь, но я в свою очередь приподняла свою и кивнула в сторону двери. Это был наш обычный сигнал, гласивший: «Я все расскажу позже, наедине».

– Мне очень жаль, – продолжил мистер Читэм. – Я всегда надеялся, что мы сможем решить все полюбовно, но, кажется, он думает иначе.

– Он появился не один, – добавила я. – С ним была элегантная молодая женщина – стройная блондинка, очень привлекательная и дорого одетая. Это его любовница? Жена?

– Такие женщины в его вкусе. Возможно, это его последняя зазноба. Он любит казаться таким повесой. Новая возлюбленная в каждом порту... А вы уверены, что они были вместе?

– Когда мы пришли, было ясно, что их водой не разольешь, – ответила я. – Правда, она все время молчала, пока он высказывал свои ехидные колкости.

– Ну, конечно. Он любит глуповатых и послушных женщин. Тех, которые будут восхищаться каждым его словом.

– Ну, по виду глупой ее не назовешь. Честно говоря, мне показалось, что она оценивала нас с очень большой проницательностью.

– Тогда я не знаю... – сдался Читэм.

– Уверена, что со временем мы это увидим, – заметила миледи. – Наверняка Дейзи уже все выяснила.

– И не сомневайтесь, – согласилась я. – Если б у меня была возможность, я уже спросила бы ее, но она была занята, а мистер Ньюхаус такой интересный рассказчик, что я не почувствовала потребности оставить его ни ради того, чтобы перемыть кому-то косточки, ни ради того, чтобы узнать какие-то сплетни.

– И были абсолютно правы, – согласилась со мной хозяйка. – Вы и так уже узнали достаточно...

– Наш Бэзил, – со смешком заметил Читэм, – если сильно захочет, может быть блестящим рассказчиком. Хотя на вашем месте я воспринимал бы все, что он рассказывает, с некоторой долей скепсиса. И недоверия. А также сомнения.

– Принято к сведению, – ответила я. – Если позволите, миледи, я должна проверить, все ли в порядке с обедом.

– Ну конечно, дорогая, – отпустила меня хозяйка. – Герти составит нам компанию.

– А сэр Гектор?

– В этом она не была уверена. Однако лучше быть готовыми накормить его, если понадобится, но не в ущерб гостям. Я была уверена, что он съест то же, что и все остальные.

– Еды будет предостаточно, – заверила я хозяйку. – Фазаны обычно оказываются крупнее, чем кажется на первый взгляд.

Выйдя из столовой, я направилась на кухню, где выяснила, что мисс Джонс полностью контролирует ситуацию. Она даже написала записочки с указанием, что мы все должны делать. Ко мне присоединилась Эдна, и мы с ней прекрасно перекусили.

Глава 4

– Э-э-э, леди, а мы что, действительно будем в этом кинемано... кинемато... в этих живых картинках?

С утра пораньше мне пришлось отправиться на нашем маленьком «Ровере» в Чиппинг-Бевингтон, чтобы встретить камеру и сопровождающего ее техника. И когда сын начальника станции «молодой» Робертс загрузил их в авто, я поняла, что для меня места почти не осталось.

После завтрака и краткого курса обучения работе с камерой мы выкатили ее и мощную деревянную треногу в деревню и установили все это на деревенском лугу. Нашей целью было заснять лавочников, когда они будут открывать свои лавки, и детей, идущих в деревенскую школу.

– Хотела бы я иметь объективную съемку сельской жизни, – заметила леди Хардкасл. – Нечто, что историки могли бы изучать лет через сто.

Спустя час я начала понимать, что ее гипотетические историки из будущего должны быть терпеливыми людьми, готовыми с интересом следить за тем, как жители застенчиво кривляются перед камерой. Нашим последним раздражителем оказался мальчуган, который, я в этом просто уверена, должен был сидеть в классе и повторять таблицу умножения или учить имена британских королей и королев. И ему с его дурацкими вопросами нечего было делать на деревенском лугу.

Надо отдать должное леди Хардкасл, которая оказалась намного терпеливее, чем я.

– Да, малыш, – снисходительно отвечала она, – но если ты будешь стоять слишком близко, то мы не сможем правильно увидеть тебя в кадре.

– В этом нет вообще никакого смысла, – спорил с ней этот гоблин. – Чем ближе, тем лучше видно. Это любой дурак знает.

– К сожалению, камера гораздо хуже любого дурака. И она знает только то, что ты будешь лучше виден, если отойдешь вон туда, к церкви. Возможно, все это из-за божественного света, проникающего сквозь священное цветное стекло, или это просто влияние футов и дюймов между тобой и линзой, но я уверяю тебя, что у тебя больше шансов хорошо получиться на экране, если ты пройдешься в сторону Божьего храма.

– Как смешно вы говорите.

– А вот в этом ты прав, дружок, – согласилась с ним миледи.

Я уже хотела было объяснить ему все о горшках, котелках и черноте²⁰, но сдержалась.

Дитя какое-то время оценивающе разглядывало хозяйку. По-видимому, он никак не мог сообразить, что же ему делать с этой ненормальной представительницей аристократии, но тем не менее, видимо, решил поступить так, как ему велели, и направился в сторону церкви.

– Все это гораздо сложнее, чем мне представлялось, – пожаловалась миледи. – Я думала заснять пару реальных эпизодов из деревенской жизни для будущих поколений. А вместо этого мне приходится тратить бесконечные метры очень, очень дорогой пленки на съемку приветствующих нас людей.

– Нам надо куда-то спрятаться, – предложила я. – Как охотникам в засаде.

– Мне кажется, дорогая, что посредине деревенского луга это может выглядеть очень подозрительно.

– Быть может, вы правы, – согласилась я. – Но хоть что-то подходящее снять удалось?

²⁰ Имеется в виду английская пословица «Горшок над котлом смеется, а оба черны», соответствующая русской: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала».

– Я не уверена. Узнаем, когда вернемся домой. Но я буду продолжать – никогда не знаешь, что может попасть в кадр... У меня в оранжерее пленки больше чем достаточно.

– Может быть, стоит немного сфокусироваться на этом мальчишке? Он выполнил свою часть сделки и отвязался от нас.

– Конечно, ты права. Куда он... А, вижу. Минуточку... Сейчас я... А это еще что такое?

Пока она говорила, из-за угла, со стороны Бристольской дороги, появился самодвижущийся шарабан и затарахтел в сторону церкви. Грохот его мотора перекрывался становившимися все громче звуками «Вперед, Христово воинство!»²¹, исполняемым сидевшими в шарабане.

– Церковный пикник? – предположила я.

– Это во вторник-то? Разве церковные пикники не устраиваются во время уик-ендов? Разве люди не должны работать?

Но сцена, разворачивающаяся перед нами, была настолько хороша, что миледи, вместо парнишки, направила камеру на сидевших в шарабане. Так что его согласие – хотя и неохотное – выполнить ее требование так и осталось без вознаграждения.

Между тем шарабан с грохотом остановился перед церковью. Мужчина и женщина, сидевшие на переднем сиденье, мгновенно поднялись на ноги и повернулись лицом к остальным пассажирам. Из-за расстояния их слов разобрать было нельзя, да и в любом случае их заглушил бы несмолкающий скрипучий звук двигателя, но по громким приветствиям в их адрес было очевидно, что спич, который они произнесли, вполне мог сравниться по своему воздействию на аудиторию с призывом доброго короля Гарри²².

Лидеры первыми покинули механическую повозку и велели водителю помочь им с грузом, уложенным в багажном отделении. Каждый из их спутников, с трудом выбиравшихся на твердую землю, получал в руки укрепленный на палке плакат.

– Как волнительно, – произнесла леди Хардкасл. – Я уверена, что это будет протест против чего-то...

Когда все спустились с шарабана, водитель вернулся на свое место и, с громким скрежежом переключив скорость, направил свой шумный экипаж вокруг деревенского луга в сторону Бристольской дороги.

Его пассажиры продвинулись слегка вперед по дорожке и выстроились в неровную линию перед сельской ратушей. Подняв свои плакаты, они стали с чувством исполнять «Рок веков»²³. Плакаты сотрясались в унисон с древним гимном, и казалось, поющие наслаждаются моментом.

– Твои глаза видят лучше моих, дорогая, – сказала леди Хардкасл. – Ты не видишь, против чего они выступают?

Я и сама уже косилась на плакаты, но не могла рассмотреть их достаточно хорошо.

– Что-то насчет «происков дьявола», и еще «ворожеи не оставляй...» – дальше плохо видно.

– Скорее всего, «в живых»²⁴, – предположила миледи, все еще возившаяся с камерой. – Уверена, что вся эта шумиха вызвана фильмой мистера Читэма.

Пока мы наблюдали за этой демонстрацией, из дверей церкви возник преподобный Джеймс Блэнд. Быстро пройдя по дорожке, он вышел из ворот, ведущих к кладбищу, и подошел к собравшимся. Было ясно, что ему, так же как и нам, хотелось понять, что происходит.

²¹ Популярный английский христианский гимн на музыку Артура Салливана (1871).

²² Имеется в виду знаменитая речь Генриха V из одноименной хроники Шекспира, произнесенная перед битвой при Азенкуре, где английским войскам удалось разгромить многократно превосходящие силы французов (1415); в дальнейшем часто использовалась как духоподъемная речь, обращенная к британской нации.

²³ Популярный христианский гимн, написанный преподобным О. Топлади в 1763 г.

²⁴ Исх. 22:18. Ворожея – то же, что ведьма.

Леди Хардкасл пробормотала себе под нос нечто совсем не церковное. Ей, по-видимому, понадобилась новая пленка, и то, что из-за этого пришлось прервать съемку, вывело ее из себя. Мы заменили катушки в камере. По моему скромному мнению, процесс был нудный и неоправданно сложный. Наверняка, если захотеть, то можно было бы придумать более простой способ выполнения этой важной и, главное, регулярной процедуры. К тому моменту, как мы закончили, мистер Блэнд уже прекратил общаться с протестующими и торопился в нашу сторону. Пока он не подошел, леди Хардкасл истратила несколько футов пленки на съемку нашего бездельника, который строил рожи демонстрантам.

Задыхающийся преподобный отец наконец добрался до нас.

– Доброе утро, леди Хардкасл, – с трудом произнес он. – Надеюсь, что гости не помешали вашей съемке. Как я понимаю, вы создаете портрет нашей деревни для шоу...

– Именно, святой отец. Слухи у нас распространяются быстро.

– Словечко здесь, шепоток там... – ответил викарий. – Если новости интересные, то распространяются они очень быстро. К счастью, Святая книга запрещает только порочащие Всевышнего высказывания и заведомую ложь, иначе нам ничего не удалось бы узнать.

– У нас было множество случаев высоко оценить надежность деревенского радио. И оно часто нам помогало.

– Печально, однако, что на этот раз оно всех нас подвело. Никто заранее не предупредил нас о мистере и миссис Хьюз и их банде, портящей настроение нормальным людям.

– Портящей настроение? – уточнила я. – Так вы их не одобряете, сэр?

– Естественно, мисс Армстронг. Я ведь скромный слуга любящего людей Господа, который радуется достижениями своих чад. Он искушен и мудр и хорошо понимает тонкости наших изобретений. Мистер Читэм – человек уважаемый и благочестивый. Он заранее прислал мне описание своей фильмы, дабы убедиться, что я не буду возражать против ее показа в церковном зале. Я указал ему на то, что зал принадлежит деревне, но даже если б он находился в моем прямом подчинении, я не имел бы никаких возражений. Фильма современная, может быть, даже немного специфическая, но в ней нет ничего, что шло бы вразрез с учением небесного Отца нашего.

– Но эти... эти... – Леди Хардкасл нахмурилась.

– Хьюзы, миледи, – подсказала я.

– Спасибо, милая. Эти Хьюзы и их люди с вами не согласны?

– Так они утверждают. Правда, не знаю уж, то ли они считают фильму не соответствующей религиозным догмам, то ли привлекли религию, чтобы оправдать свои протесты. Сдается мне, что мистер Хьюз умудрился сделать подобные протесты своим основным занятием в жизни. Понимаете, я вовсе не возражаю – одному Богу известно, сколько в современном мире вещей, против которых я протестовал бы, будь у меня на это время, – но я бы хотел, чтобы Хьюз и ему подобные не использовали так беззастенчиво имя Божье в своих эскападах. Можно только восхищаться их изобретательности при выборе святых текстов для оправдания своих недалеких взглядов, но, по-моему, очень часто эти взгляды не имеют никакого отношения к христианству.

– А остановить их нельзя? – поинтересовалась я. – Леди Фарли-Страуд невероятно расстроится, если они испортят ее «праздник». Не говоря уже о других жителях деревни. Дейзи будет просто убита, если он не состоится.

– Боюсь, что я мало что могу сделать, – ответил священник. – Я бы мог что-то возразить, если б они стояли на территории церкви, но они находятся на общественной дороге. Может быть, вам стоит обратиться к сержанту Добсону, но боюсь, что среди многих свобод, которыми мы наслаждаемся, будучи жителями Империи, есть и свобода безнаказанно досаждающим.

– Если хотите, я могла бы их слегка поколотить, – предложила я, подмигнув. – Их там сколько – всего каких-то полтора десятка... И выглядят они довольно рыхлыми. Так что шансов у них никаких нет.

– Я уверен, что мы сможем все решить, не прибегая к кулакам, мисс Армстронг. – Святой отец насмешливо нахмурился и, наклонившись к нам поближе, произнес заговорщицким тоном: – Честно говоря, я подумываю о том, чтобы натравить на них пса моей супруги.

– Гамлета? – рассмеялась леди Хардкасл. – Но ведь он и мухи не обидит. Единственное, что они могут умереть от смеха, глядя на такую древность.

– Вот именно, – викарий в первый раз за весь разговор улыбнулся. – Но они-то об этом не подозревают. На первый взгляд он может показаться вполне себе страшным псом.

– Да, он у вас громадный, – согласилась миледи, – с этим не поспоришь. Может быть, стоит попросить миссис Блэнд выйти с ним на прогулку и проследить за их реакцией?

– Вполне возможно, я так и сделаю. А пока не могу ли я просить вас телефонировать леди Фарли-Страуд? Мы так и не смогли уговорить отца епископа установить телефон в церкви, а я хотел бы предупредить ее заранее, чтобы она не слишком расстроилась, когда, приехав, увидит все это своими глазами.

– Я все сделаю, святой отец, – заверила его миледи. – И не слишком беспокойтесь о Герти – она сделана из стали.

* * *

Вернувшись домой, леди Хардкасл телефонировала леди Фарли-Страуд, реакция которой, как она сказала после того, как разговор закончился, состояла из многочисленных «пуффф», «тупой осел» и заверений, что сегодня на шоу она захватит с собой зонтик с тяжелой ручкой.

А вот мистер Читэм, напротив, казалось, сильно разволновался.

– Это именно та суета, которая сейчас для нас абсолютно лишняя, – сказал он, когда миледи рассказала ему о прибытии Хьюзов и их последователей. – Уже много месяцев они следят за всеми моими передвижениями. Начинать с хладнокровных аргументированных писем, которые писали в приходские советы, с разоблачением греховной подоплеки моей фильмы. Когда это не произвело никакого эффекта, стали писать непосредственно местным викариям. Но письма игнорировались, и они переключились на епископов. Случилось так, что у меня прекрасные отношения с епископом Рочдельским – в свои молодые годы он был армейским капелланом, и я знаю его еще с тех пор, как служил в ополчении. Он получил одно из писем Хьюза. Доставил его курьер. Написано оно было зелеными чернилами. Начало было милое и спокойное, но дальше, когда дело дошло до деталей святотатств, которые я совершаю, с подробным описанием гнева Господня, который падет на головы всех тех, кто увидит эту работу, письмо становилось все более несвязным и маловразумительным.

– И что же сделал епископ? – поинтересовалась леди Хардкасл.

– В ответ он написал, что сам видел фильму и что в ней нет ничего, что можно было бы назвать святотатством. Еще он отметил, что в ней показаны магия и предрассудки, но так, что речи о какой-то слишком ужасной истории не идет. Проще говоря, он намекнул Хьюзу, что тому стоит заткнуться.

– И это, скорее всего, не обрадовало Хьюза.

– Он был в ярости. Написал письмо архиепископу. Но когда и это не помогло, затих на несколько недель, хотя, судя по всему, все это время он готовился к решительной атаке. Здесь он для того, чтобы доставить всем нам неприятности.

– Хотя в реальности они мало что могут сделать, – заверила его хозяйка.

– Это когда они стоят там со своими плакатами, криками и гимнами? Да они распугают всех зрителей. Оскорбят их.

– Мне кажется, что вы плохо думаете о добрых жителях Литтлтон-Коттерелла, мистер Читэм. Понадобится гораздо больше, чем пара гимнов и псевдорелигиозное скандирование, чтобы они отказались весело провести время. Меня беспокоит то, что некоторые из местных парней могут решить слегка намять им бока. Хьюзы явно уверены, что право на их стороне, но я знаю, на кого ставить в случае потасовки. А в результате в участок попадут деревенские ребята.

– Ну, это будет стыд и позор. Хотя, должен сказать, я и сам с удовольствием присоединился бы к ним, если они решат показать этим старым блюстителям нравов, где раки зимуют.

– Я уверена, что до этого доводить нельзя, – сказала леди Хардкасл. – Небольшая перепалка и взаимные оскорбления допустимы, но они не должны испортить настроение остальным жителям. А так как викарий на нашей стороне, то их извращенные цитаты из Библии и обещания вечного проклятия ни на кого не произведут впечатления.

– Надеюсь, вы правы, леди, надеюсь, вы правы... – Акцент Читэма становился все менее изысканным, по мере того как волнение охватывало его. – Хотя я уже щас понимаю, что вечер будет вовсе не таким беззаботным, приятным и захватывающим, каким мы его планировали.

После этого разговора леди Хардкасл вернулась в свой кабинет, чтобы разобрать срочную корреспонденцию, а мистер Читэм и его актеры собрались в малой гостиной, дабы окончательно обговорить планы на вечер. Я же решила убедиться, что на «нижних этажах» – или, скорее, за печкой, потому что дом был недостаточно велик, чтобы иметь отдельное помещение для слуг – все в надлежащем порядке. И правильно сделала, потому что на кухне все оказалось не так мило и безоблачно.

– Я не трогала твою дурацкую полироль, – оправдывалась мисс Джонс. – К чему она мне? Пирог полировать? Она у тебя просто закончилась. Ты же уже всем раструбила об этом сегодня утром.

Несколько мгновений Эдна пыталась вспомнить то, что происходило утром. Антагонизм испарялся прямо у меня на глазах.

– Прости, милочка, – сказала она. – Сама не знаю, что со мной в последнее время... Ну конечно, она закончилась. Сбегаю-ка я в деревню за новой порцией.

Входя, я зашаркала ногами – этому способу я научилась у одного дворецкого, с которым мне довелось работать. Мне кажется, что такой способ сообщить о своем присутствии лучше, чем покашливание.

– Я могу вам чем-то помочь? – поинтересовалась я. – Если хотите, я могу купить полироль у миссис Пэнтри.

– А вы уверены, милочка? Это же не входит в ваши обязанности.

– Глупости, – ответила я. – Все мы здесь делаем одно дело. А кроме того, все равно я сейчас ничем не занята, так что еще одна прогулка в деревню не помешает. Если останусь здесь, то опять займусь починкой платьев хозяйки.

– Ну, если вы уверены, что это не доставит вам лишних хлопот, то это будет просто здорово, – согласилась Эдна. А я, пока вас не будет, приступлю к чистке каминов.

– Без проблем, – ответила я. – А вам ничего не нужно, мисс Джонс?

– Да в общем-то нет, – ответила кухарка. – Вот только если у вас будет возможность заглянуть к зеленщику... Мне нужен еще один кабачок. Тот, что он прислал пару дней назад, оказался с гнильцой, когда я разрезала его сегодня утром.

– Полироль и кабачок, – повторила я. – Отлично. Скоро вернусь.

Надев пальто, я вышла через заднюю дверь.

* * *

Подойдя к деревенскому лугу, я увидела, что протестующие решили расположиться здесь надолго. На дороге стояли несколько открытых корзин с едой, и некоторые из демонстрантов прихлебывали что-то из оловянных кружек. Я мысленно пожелала им, чтобы это оказалось что-то горячее – на улице было очень промозгло.

Я так торопилась добраться до миссис Пэнтри до того, как превращусь в ледышку, что меня чуть не сбил с ног мужчина, вышедший из табачной лавочки, расположенной по соседству. Двигался он довольно быстро, и только благодаря своим рефлексам я не оказалась на земле. По крайней мере, именно так я представляла себе случившееся, когда думала об этом позже. В действительности же я избежала позора оказаться на пятой точке на глазах у всех только потому, что, переходя дорогу, он лишь слегка задел меня плечом. И тем не менее остановился, чтобы извиниться.

– Прошу прощения, мисс. Надеюсь, с вами все в порядке.

– В абсолютном, сэр, благодарю вас, – ответила я.

Мужчина был не из деревни, но мне показалось, что я его уже где-то видела. Внешность у него была ничем не примечательная. Глаза цвета воды из-под грязной посуды разделял длинный, узкий нос. Над тонкими губами протянулась ниточка таких же тонких, едва заметных усов. Больше всего он походил на зачуханного школьного учителя, который не пользуется успехом у своих учеников, а порядок в классе поддерживает лишь с помощью несправедливых наказаний и едких замечаний.

– Вы что, из тех, кто появился здесь сегодня? – спросила я, кивнув на группу протестующих, собравшихся перед сельской ратушей.

– Мы с моей супругой имеем честь называть себя их лидерами, – ответил мужчина. – Меня зовут Хьюз. – Он дотронулся пальцами до края шляпы. – Ноэль Хьюз.

– Как поживаете, мистер Хьюз? – поздоровалась я. – Флоренс Армстронг. Я работаю у леди Хардкасл.

– Я где-то уже встречал это имя, – задумчиво произнес Хьюз.

– О ней часто писали в газетах, – подсказала я. – Может быть, там...

– Нет... нет... где-то совсем недавно. – И вдруг, вспомнив, он сердито посмотрел на меня. – Она будет показывать живые картинки в этом Богом проклятом «представлении», которое Нолан Читэм собирает выдать за развлечение для жителей.

– А, ну да, – я улыбнулась. – Про мышей.

– Вам вовсе не нужно опускаться до их уровня, – фыркнул мужчина. – Вы же наемный работник, а не раба. И вам не стоит подвергать себя вечному проклятию из-за ложно понятого чувства лояльности.

– Не поняла? – переспросила я.

– Присоединяйтесь к нашим протестам, – продолжил Хьюз. – Покажите им, что в нашей христианской стране их так называемое развлечение, противное Богу, не приживется.

– Благодарю за предложение, сэр, – ответила я, – но, честно сказать, я с нетерпением жду этого представления.

Покачивая головой, он быстро направился к своим последователям. Однако, сделав несколько шагов, остановился, повернулся ко мне и произнес:

– Знаете ли, все это плохо закончится. Ничего хорошего из подобных игр с демоническими силами не получится.

И отвернулся, прежде чем я успела хоть что-то ответить.

* * *

Вернувшись домой с покупками, я рассказала об этой встрече леди Хардкасл. Ее это больше развлекло, чем возмутило, и мы вернулись к своим текущим делам, а где-то в шесть часов вновь встретились, чтобы отправиться в деревню.

Пришли мы достаточно рано. Леди Фарли-Страуд попросила нас помочь ей с последними приготовлениями, но и я, и миледи решили, что ей, скорее, хотелось чувствовать рядом дружеское плечо для моральной поддержки.

Через пикет мы прошли без всяких проблем. Когда только приблизились к нему, какая-то сильно пожилая женщина сурового вида произнесла короткую проповедь о грешности нынешних развлечений. Я надеялась, что мы просто пройдем мимо прямо в зал, но леди Хардкасл остановилась и стала слушать. В конце своего монолога, который включал в себя пару на удивление изобретательных интерпретаций религиозных текстов, чтобы сделать их более подходящими к текущему моменту, женщина протянула нам листовку. И вновь мои инстинкты подсказали мне проигнорировать ее, и продолжить свой путь, но миледи с теплой улыбкой взяла протянутую бумагу.

– Спасибо, милая, – поблагодарил она. – Надеюсь, что, стоя здесь, вы не слишком замерзли. Погода не очень подходит для демонстраций, не так ли?

И это была суцая правда. Дождь прекратился, и небо очистилось от облаков, но от этого на улице стало только холоднее.

Женщина холодно осмотрела нас.

– Вы собираетесь свернуть с пути безбожников? Вы присоединитесь к нашей борьбе? – спросила она.

– Ну конечно, нет, – ответила леди Хардкасл самым дружеским тоном. – Наоборот, я с нетерпением жду начала. Обожаю страшные истории, да, дорогая? – С этими словами она повернулась ко мне.

– И я тоже, миледи, – ответила я.

– Может быть, вы хотите присоединиться к нам? – предложила леди Хардкасл женщине с суровым лицом. – Я с удовольствием куплю вам и всем вашим друзьям входные билеты, если захотите немного развлечься.

Думаю, что если бы леди Хардкасл пригласила женщину на человеческое жертвоприношение во славу Вельзевула, то и тогда та не выглядела бы настолько шокированной.

– Нет, благодарю вас, – ответила она, поджав губы. – Судя по всему, мы ценим наши бессмертные души гораздо выше, чем вы – свои. Мы будем за вас молиться.

– Очень мило с вашей стороны, – леди Хардкасл опять дружески улыбнулась. – Что ж, пойдем, Армстронг, нам пора внутрь. Всего вам доброго, мадам. И не простужайтесь.

Мы предоставили суровой женщине выполнять ее обязанности в пикете, а сами вошли в зал.

Он был полон звуков передвигаемых стульев. Все венские стулья, которые в обычные дни стояли вдоль задней стены зала, были передвинуты на середину, чтобы их можно было расставить рядами, смотрящими в сторону большого белого покрывала, растянутого на противоположной стене.

Дейзи отвечала за рассадку. Вся ее работа заключалась в том, что она стояла с суровым лицом, сложив руки на груди, и руководила двумя молодыми людьми, в которых я узнала членов регбийной команды; они и занимались фактической передвижкой и расстановкой стульев. Дейзи помахала мне рукой, но не ответила на мое радостное приветствие. Я не стала на нее обижаться – девушка явно старалась заработать репутацию бескомпромиссной ревнительницы

строгой дисциплины, и нечто столь фривольное и легкомысленное, как приветствие подруги, не вписывалось в ее нынешний образ. Улыбнувшись, я оставила ее заниматься своим делом.

В центре зала стояли мистер Читэм, леди Фарли-Страуд и Дэви. Он и Дора были отпущены на вечер, чтобы насладиться показом, но у меня создалось впечатление, что здесь Дэви запрягли в помощники и теперь он сам себе не принадлежит.

– Все понял, сынок? – спросил мистер Читэм.

– Кажется, да, – медленно ответил Дэви. – Я включаю вот эту лампу, а потом начинаю крутить ручку.

– Точно так. Ты «Дейзи Белл»²⁵ знаешь?

– Я знаю Дейзи Спратт, – неуверенно ответил юноша. – Она вон там стоит. – И он показал пальцем на Дейзи со сложенными на груди руками, которая руководила регбистами в их трудах по расстановке стульев.

– Да нет, я про песню, – рассмеялся Читэм. – «Велосипед на двоих»?

– А, эту... Эту я знаю.

– Отлично. Напевай ее, когда будешь крутить ручку – это поможет поддерживать нужную скорость.

– Так точно, сэр. – Было видно, что Дэви становится все увереннее.

– Но не забывай поглядывать на экран. Надо, чтобы движения выглядели естественными. Если заметишь, что люди двигаются как мухи в патоке, начинай петь чуть быстрее. А если они дергаются так, как будто у них пляска святого Витта, – слегка замедляйся.

– Я понял.

– Вот молодец.

– Отлично, Дэви, – сказала леди Фарли-Страуд, внимательно слушавшая режиссера. – Я всегда знала, что мы можем на тебя рассчитывать.

– Он очень надежный юноша, – заметила леди Хардкасл, подходя к ним, и обратилась напрямую к Дэви: – Ваша помощь пришла как нельзя кстати. Спасибо.

– К вашим услугам, миледи, – ответил довольный юноша.

– Ну что, все готово, мистер Читэм? – спросила миледи.

– Абсолютно, – ответил полковник. – Насколько это возможно.

– Вы о чем?

– Например, о банде снаружи. – Читэм нервно посмотрел на входную дверь.

– Не стоит о них беспокоиться. Им скоро надоест стоять на холоде, когда никто не обращает на них внимания. Все пройдет просто великолепно. А как вы, Герти? Мы можем вам чем-то помочь?

– Нет, дорогая, – ответила леди Фарли-Страуд. – Все под контролем. И этот пожар на кухне... нет худа без добра. Слуги неожиданно освободились. Я поручила Доре заняться напитками.

Весть о том, что Дора так и не получила выходного, наполнила меня чувством какого-то детского восторга. К нему примешалось легкое ощущение вины, которое тем не менее не смогло испортить мне удовольствие.

Глубоко погруженные в беседу леди Хардкасл и Фарли-Страуд направились на кухню, расположенную сбоку от зала. Дэви не мог оторваться от своего проектора. Дейзи тоже наслаждалась моментом, руководя двумя мускулистыми юношами.

А я осталась совсем без дела, что случалось чрезвычайно редко.

Пришлось заняться изучением информации для прихожан на доске объявлений. Им напоминали, что уходя из зала, они должны оставить его в том же состоянии, в каком сами

²⁵ Или «Велосипед на двоих» – имеется в виду популярная английская песня, написанная в 1892 г. композитором Г. Дакром.

хотели бы найти его. Мистер Истон всерьез намеревался открыть шахматный клуб и просил всех заинтересованных связываться с ним дома. Миссис Батлер потеряла шестипенсовик на последних занятиях по вышивке и просила нашедшего немедленно вернуть его, так как ей необходимо купить лекарство для любимого кота Альфонса.

Время тянулось невыносимо медленно.

Наконец свет в зале затемнили. На кафедре перед мистером Читэмом загорелась масляная лампа. Собравшиеся поселяне постепенно замолкли.

– Добрый вечер, леди и джентльмены, – слова мистера Читэма вновь звучали чисто. – Добро пожаловать на представление «Живых картин Нолана Читэма». Рад, что многие из вас смогли присоединиться к нам сегодня, в этот волнующий вечер, во время которого мы представим – впервые в Глостере – нашу захватывающую новую картину «Ведьмина погибель».

Он погасил лампу на кафедре, и зал погрузился в то, что показалось всем абсолютным мраком. Два или три наиболее чувствительных зрителя громко вздохнули.

Эта наступившая темнота была, очевидно, сигналом для Дэви включить лампу в проекторе и начать крутить ручку.

На экране появилось название – оно было написано белыми буквами на фоне черного задника – «Ведьмина погибель». Из того угла, где стояло пианино, за которое насильно усадили леди Хардкасл для обеспечения звукового сопровождения, раздался грохочущий аккорд.

Голос мистера Читэма перекрыл звуки пианино.

– Ведьма – это подлое существо, – произнес он, – которое прибегает к силам черной магии для достижения своих собственных порочных целей...

Казалось, он собирается пересказать нам всю историю. Я видела – или, точнее, слышала, – что подобное делалось на первых демонстрациях живых картин несколько лет назад, но была уверена, что эта практика не прижилась. Однако мистер Читэм был слишком актером в душе, чтобы позволить какой-то там моде помешать ему принять участие в представлении.

На экране появилось изображение Зельды Драйтон, которую практически невозможно было узнать в гриме, стоявшей над бурлящим котлом в своем ведьмином убежище. В котел она бросила несколько щепоток различных трав, которые угрожающе задымились. Все это время мистер Читэм продолжал комментировать происходящее, рассказывая зрителям о ведьме и о том, как она отчаянно завидует молодой деревенской красавице Фиби.

Изображение сменилось, и теперь перед нами предстала юная девушка в одеждах семнадцатого века, наливающая эль в кружку молодого симпатичного мужчины в таверне. Девушку играла Юфимия Селвуд, которую загримировали так, чтобы она выглядела не менее невинной и привлекательной, чем Зельда выглядела грешной и изможденной. Молодой человек был симпатичен, хотя и немного глуповат на вид, а по любовным взглядам, которые бросала на него Фиби, было понятно, что он – воплощение мечты любой простой служанки из таверны. Тот смотрел на Фиби не менее восхищенными глазами, а мистер Читэм меж тем поведал нам, что ведьма, естественно, тоже влюблена в этого глупого человека, которого, как оказалось, зовут Джордж.

У себя в логове ведьма достала из кипящего котла яблоко и на крупном плане захохотала как умалишенная.

В следующем кадре Фиби впилась зубами во вкуснейшее сияющее яблоко, и нам вовсе не нужен был мелодраматический рассказ мистера Читэма, чтобы мы догадались о драматических последствиях этого действия. Схватив себя за горло, Фиби рухнула без сознания.

Для безобразной старой карги все складывалось как нельзя более удачно, и теперь ей оставалось лишь скормить Джорджу приворотное зелье, чтобы получить свое.

Так, минуточку... Началось расследование. Охотник на ведьм – в исполнении Бэзила Ньюхауса с невероятно широкополой шляпой на голове – приговорил ведьму к смерти. Ее

арестовали и заковали в железо, но когда уводили, из рук у нее выпала крохотная куколка. У куколки тоже была широкополая шляпа на голове, а сердце было проткнуто булавкой.

Естественно, в следующем эпизоде охотник на ведьм схватился за сердце и упал замертво.

Предсказать следующую сцену было уже сложнее, и объяснения мистера Читэма пришлось как нельзя кстати. Оказалось, что Джордж был настолько потрясен смертью любимой Фиби, что окончательно сдвинулся. В приступе безумия он бросился с церковной колокольни. Должна признаться, что я не совсем поняла смысл этой сцены, и если бы мистер Читэм спросил мое мнение, я посоветовала бы ему вырезать ее. Хотя было интересно наблюдать, как Джордж борется со своими внутренними демонами, прежде чем броситься к низкому парапету и перепрыгнуть через него. Естественно, нам было предложено догадаться о драматических последствиях этого падения, и, судя по прерывистому дыханию аудитории, сцена получилась достаточно захватывающей, несмотря на то что мне она показалась бессмысленной.

В последнем эпизоде мы увидели ведьму, привязанную к шесту посреди костра, вокруг которого суетились селяне, угрожающе размахивая зажженными факелами.

Появилась последняя надпись, сообщавшая о том, что наступил **«КОНЕЦ»**.

Вся фильма длилась менее десяти минут, но после того как она закончилась, потолок чуть не рухнул. Отовсюду раздавались аплодисменты, одобрительный свист и даже пара возгласов «Браво!». Свет зажегся, чтобы явить миру мистера Читэма, стоящего перед экраном и широко улыбающегося. С одной стороны от него стояли Зельда и Юфимия, а с другой – мистер Ньюхаус. Он представил их по именам, и они по очереди поклонились зрителям. Леди Хардкасл, чье импровизированное соло на пианино добавило столько трагизма в действие на экране, тоже пригласили на сцену, где она раскланялась.

Когда восторги стихли, мистер Читэм сделал шаг вперед.

– Благодарю вас, леди и джентльмены, благодарю. Обычно мы показываем эту фильму в конце нашего недельного пребывания, но нам так хотелось показать ее вам, что мы не стали ждать.

Вновь послышались восторженные крики, а какая-то молодая женщина крикнула: «Спасибо вам!»

Мистер Читэм расплылся в улыбке.

– И поскольку она вам так понравилась, возможно, в конце недели мы покажем ее еще раз.

Это объявление было встречено новыми криками восторга.

– А пока вашему вниманию будет представлена обширная программа из острых сюжетов и комедий, которые мы будем показывать до конца недели с помощью самого фантастического современного средства развлечения, известного человечеству.

Он стал перечислять больше десятка названий, которые должны были продемонстрировать в течение ближайшей недели. Следующей фильмой, о которой он объявил, чтобы как-то разрядить обстановку, была «“Мышь полевая и мышь городская” вашей леди Хардкасл».

И опять все собравшиеся, казалось, сошли с ума, когда освещение погасло и Дэви закрыл ручку проектора. Леди Хардкасл вновь заиграла на пианино, и на экране появилось заглавие, написанное ее аккуратным и твердым почерком:

Мышь полевая и мышь городская
Живые картины
Фантазия Эмили Хардкасл

Остаток вечера был несомненным успехом. По-своему, фильма леди Хардкасл вызвала не меньшее восхищение, чем «Ведьмина погибель». Охи и ахи сопровождали движения неболь-

ших игрушечных фигурок, которые разыгрывали всем известные истории²⁶, и когда показ закончился, реакция зала была не менее восторженной.

В перерыве, пока все наслаждались чаем с печеньем, устроенным комитетом сельской ратуши, несколько человек подошли к леди Хардкасл, чтобы выяснить, каким колдовством она смогла заставить игрушечные фигурки двигаться столь естественно. Та с энтузиазмом начала объяснять технику покадровой анимации, но вытаращенные непонимающие глаза спрашивавших означали, что она с таким же успехом могла объяснять, как сделать подвесной мост с помощью клюшек, топленых сливок и русалкиных слез.

К десяти часам вечера зал опустел, и леди Хардкасл и Фарли-Страуд поздравили друг друга с тем вкладом, который каждая из них внесла в успех вечера.

Большая часть аудитории вместе с мистером Читэмом и его актерами осела в пабе. Мы стали обсуждать, не стоит ли к ним присоединиться.

– Там может быть весело, – заметила леди Хардкасл, – но я совершенно без сил. Хотя если желаешь – можешь идти, не хочу портить тебе удовольствие.

– Все в порядке, – ответила я. – Я сама не откажусь пораньше лечь в постель. И не могу же я позволить старой ошарашенной аплодисментами леди бродить в одиночестве... Канун Дня Всех Святых был совсем недавно, так что по округе могут шастать ведьмы.

– Вполне, – согласилась миледи. – Не говоря уже о мистере и миссис Хьюз и их банде несчастных блюстителей нравов.

– Вот их нам, на мой взгляд, совсем не стоит бояться. Если дело дойдет до стычки, я абсолютно уверена, что одна смогу разобраться со всеми ними. А еще Дейзи сказала, что видела, как мистер Хьюз заглядывал в зал после начала сеанса, так что, может быть, он понял, что протестовать нет никакого повода, и отвалил под ту мрачную скалу, из-под которой выполз.

– Нам остается только надеяться на это, дорогая, – согласилась хозяйка, и мы вдвоем покинули зал. – А тебе понравилась фильма мистера Читэма?

– Понравилась, – ответила я. – Вся эта история с красавчиком Джорджем была слегка надуманной, но если не обращать внимания на это и на сожжение ведьмы на костре, то все было сделано превосходно.

– А что не так с сожжением?

– В Англии приговоренных ведьм вешали, а не сжигали, – объяснила я.

– Правда? Неужели? Дорогая, я, как и всегда, потрясена глубиной твоих знаний в области истории... Интересно, а с чего мы все решили, что их сжигали?

– Несколько штук сожгли в Шотландии, – сказала я, – и на континенте. Но никогда – в Англии.

– Я порекомендую тебя мистеру Читэму в качестве исторического консультанта на его следующий проект.

– А вы будете консультировать его по вопросам науки. Это вполне может стать нашим новым деловым предприятием.

– И это гораздо безопаснее, чем множество наших предыдущих предприятий, – заметила хозяйка.

Мы продолжили наш путь. Протестующие уже давно исчезли, так что мы избежали неприятной встречи с ними.

Проходя по дороге вокруг луга, мы слышали смех и звуки веселья, доносившиеся из «Пса и утки».

– Ты уверена, что не хочешь зайти и пропустить стаканчик? – уточнила леди Хардкасл, заметив, что я смотрю на окна заведения.

²⁶ «Мышь полевая и мышь городская» – басня Эзопа, чей сюжет получил широкое распространение в популярной культуре.

- Абсолютно уверена. Честно говоря, я тоже измоталась.
 - Хотя я не откажусь от стаканчика бренди дома, перед тем как лечь в постель.
 - Я так и думала, – сказала я.
- Мы продолжили наш путь вокруг луга в направлении дома.

Глава 5

Утром меня разбудил настойчивый звонок в дверь, сопровождаемый громким стуком. Полусонная, я с трудом спустилась по лестнице, на ходу завязывая пояс халата.

Оказалось, что это сержант Добсон из деревенского полицейского участка.

– Утро доброе, мисс Армстронг, – он отдал честь, коснувшись пальцами края своей каски. – Мне жаль, что пришлось вас так рано разбудить, но нынче ваш дом – это первое место, куда я заглядываю, когда случается что-то нехорошее. А сегодня это верно, как никогда.

– Не стоит волноваться, сержант, – сказала я, пряча зевок. Я не имела никакого понятия о том, сколько сейчас времени, но на улице было еще темно. – Не хотите ли войти, чтобы не стоять на холоде, и рассказать мне все? Кажется, я единственная, кто уже проснулся. Я даже не уверена, пришли ли Эдна с мисс Джонс, но гарантирую, что еще не забыла, как ставить чайник на огонь.

– Благодарю вас, мисс. Чай сейчас совсем не помешает.

Коренастый невысокий сержант устроился за кухонным столом. Он сидел так, как будто проглотил аршин, – еще один военный в нашем окружении. А я тем временем стала разжигать печь и поставила на нее чайник. Часы на кухне показывали половину шестого утра.

– Боюсь, что у меня для вас очень плохие новости, – начал Добсон. – Одного из ваших гостей нашли мертвым под кустом рябины, что растет на церковном дворе.

Я оторвалась от приготовления чая и полностью сосредоточилась на том, что он говорил. В голове роился добрый десяток вопросов, но я спросила только: «Кого?»

Сержант заглянул в свой блокнот.

– Мистера Бэзила Ньюхауса, – ответил он. – Одного из актеров.

– Ох, – сказала я, почувствовав сильный шок. Мне пришлось сесть. – Он мне нравился. Очень нравился. Но, как я догадываюсь по срочности вашего визита, смерть наступила не от естественных причин?

– Вначале мы так и подумали, но потом, после тщательного осмотра, решили, что нет.

На лестнице послышались шаги, и через мгновение на кухню вошла зевающая леди Хардкасл.

– И на мою долю тоже, ладно, дорогая? – сказала она, показав рукой на чайник.

Когда хозяйка вошла, сержант вскочил, но она жестом велела ему вернуться на свое место.

– Простите, что поднял вас в такую рань, миледи, – сказал Добсон.

– Кажется, на это есть веская причина, – заметила миледи, садясь рядом с ним. – Спускаясь по лестнице, я слышала почти все, что вы говорили. Бедный мистер Ньюхаус... Он был очень милым мужчиной. Вы не расскажете для меня все с самого начала?

– Конечно, миледи. Молодой Хэнкок, как обычно, патрулировал окрестности, когда заметил что-то под кустом старой рябины. Сначала он подумал, что кто-то решил выбросить туда мусор, но, подойдя ближе, увидел человеческую фигуру. Тогда он предположил, что это какой-то спящий бродяга. Иногда они забредают к нам по пути из Бристоля в Глостер.

Я была рада, что, для того чтобы приготовить чай, мне пришлось встать к ним спиной. Невольная улыбка, которая появилась у меня на лице, когда я услышала, что констебль Хэнкок «как обычно, патрулировал окрестности», была бы сейчас неуместна. Но потом я подумала, что «молодой Хэнкок пробирался в коттедж рано утром после ночи возлияний со своими друзьями» тоже прозвучало бы не очень подходяще.

– Короче, – продолжил сержант Добсон, – он подошел, чтобы разбудить этого бродягу и прогнать его куда подальше. Но тот на него никак не реагировал, поэтому Хэнкок проверил его пульс, и оказалось, что парень мертвее мертвого.

– И, как вы говорите, констебль решил, что смерть наступила от естественных причин? – уточнила леди Хардкасл.

– В темноте он не заметил никаких следов насилия. Но когда засунул руку под пиджак этого парня, чтобы проверить сердце и убедиться окончательно, его рука слегка намочла. Стала, знаете, такой липкой... И Хэнкок сразу понял, что это кровь.

– О боже!

– Он пришел и позвал меня, а я все это проверил. Этот парень был мертв, к гадалке не ходи, а под пиджаком у него была кровь.

– Но не на нем?

– Сейчас все еще слишком темно, чтобы ответить определенно, – сказал сержант. – Даже с моим фонарем. Однако на ощупь пиджак не влажный.

– Но вы уверены, что это мистер Ньюхаус? Несмотря на темноту?

– Можете мне поверить. Я видел его вчера с мисс Армстронг, а потом – во время представления. Это Ньюхаус, разрази меня гром.

– Какой ужас... Думаю, что сейчас мы ничего не добьемся, разбудив его коллег. Им мы все расскажем в свое время. Но я полагаю, вы оповестили криминальный отдел полиции Глостера?

– Первым делом, – подтвердил сержант. – Они здорово злятся, если мы связываемся напрямую с Бристолем. А мне этого совсем не надо. Дежурный сержант сказал мне, что они все очень заняты и лучше мне все же позвонить в Бристоль. А те кого-то пришлют.

– Отличная работа, сержант, – похвалила его леди Хардкасл. – Вы двигали тело?

– Бристоль велел нам оставить все как есть до прибытия их детектива. Улики и все такое... Я оставил Хэнкока сторожить.

– Молодчина, – сказала миледи. – А что конкретно вы хотите сейчас от нас?

– Честно говоря, миледи, не знаю. Наверное, просто хотел поговорить хоть с кем-то, пока не приехал детектив. Убедиться, что ничего не упустил, если вы меня понимаете... Городские детективы, знаете ли, всегда смотрят на нас свысока. А я хотел бы, чтобы все выглядело так, будто мы тоже знаем, что делаем.

– Я всегда считала вас в высшей степени компетентным работником, сержант, – заметила миледи. – И совсем не уверена, что на вашем месте смогла бы сделать больше. А что, если мы быстренько оденемся и осмотрим место преступления до приезда городского детектива?

– Буду только рад, миледи.

– Хотя, конечно, мы не найдем там ничего нового, сержант.

– Ну, тогда я успокоюсь, – сказал Добсон с благодарностью в голосе. – И буду вам очень признателен.

* * *

Была уже половина седьмого, когда мы, одевшись, добрались через луг до церкви. Но до рассвета еще оставалось не меньше получаса, хотя мутный свет уже начал постепенно разъедать темноту.

Двое деревенских полицейских стояли прямо за воротами, ведущими к кладбищу, на самом краю церковного двора, рядом с тем, что, как я поняла из разговора с сержантом, было «старым кустом рябины». Печально, но, несмотря на то что леди Хардкасл вот уже много лет терпеливо учит меня навскидку определять представителей растительного мира, если б не Добсон, я так и не смогла бы отличить рябину от любого другого дерева.

Сержант на посту вежливо кивнул нам. Леди Хардкасл улыбнулась ему в ответ (хотя я сомневаюсь, что он увидел эту улыбку в сумерках) и, обернувшись к более молодому полицейскому, тепло поздоровалась с ним: «Доброе утро, констебль».

– Утро доброе, миледи, – ответил констебль Хэнкок.

Мы подошли к кусту, и двое полицейских отошли в сторону, чтобы дать нам возможность в первый раз взглянуть на тело мистера Ньюхауса. Он сидел прямо, прислонившись спиной к стволу рябины. Голова склонилась на грудь, и его действительно легко было принять за напившегося бездомного.

– В темноте его не так легко рассмотреть, констебль, – заметила леди Хардкасл. – Как это вам удалось заметить его с дороги?

– Я срезал путь по церковному двору, миледи, возвра...

– Совершая регулярный обход, – вмешался сержант Добсон. Было ясно, что он не хочет выносить на публику не относящиеся к делу детали увлечений констебля Хэнкока во внеслужебные часы.

– Понятно. Но у вас не было с собой фонаря?

– Простите, миледи? – не понял Хэнкок.

– Сержант сказал нам, что фонарь принес он. Я вовсе не пытаюсь поймать вас на слове, дорогой мой, но детектив обязательно попытается это сделать. И если вы не хотите, чтобы все узнали, что вы срезали путь по церковному двору, возвращаясь из... – Тут миледи сделала паузу. – Из дома Мод Холман? – закончила она.

Даже в предзвездном сумраке было видно, как покраснел констебль. Всем было хорошо известно, что он гуляет с дочкой пекаря, но, наверное, мало кто знал, как надолго остается он в ее доме после того, как семейство Холманов укладывается в постель.

– Так что, возможно, вам двоим стоит подумать над тем, что вы будете говорить. Но это так, к слову. Ночью был небольшой морозец, но земля все еще мягкая после прошедшего дождя. Я уверена, что до приезда детектива вы исследуете все отпечатки обуви.

– Естественно, миледи, – заверил хозяйку Добсон.

– Ну вот и хорошо. Кроме того, вы почти наверняка собираетесь тщательно осмотреть его одежду на предмет улики, указывающих на то, чем была нанесена смертельная рана?

– Конечно.

– И планировали осмотреть окрестности, чтобы определить, что же здесь произошло...

– Всенепременно, – подтвердил сержант.

– Ну, тогда у вас все под контролем, – заключила леди Хардкасл. – Вам не о чем беспокоиться. А вы не сочтете это за оскорбление, если мы сами тоже осмотримся? Обещаю ничего не трогать.

– Но я ведь для этого и пригласил вас, миледи, – заверил ее сержант. – Может быть, у вас и нет соответствующей подготовки, но вы уже не раз доказывали нам всем, что глаз у вас верный.

– Спасибо, – поблагодарила его миледи, осторожно прошла по мягкой земле к кусту и склонилась над телом мистера Ньюхауса.

Стараясь не слишком дотрагиваться до его одежды, она осмотрела пиджак. Расстегивать его жилетку не решилась, но тщательно ощупала ее внутри и снаружи. Наконец выпрямилась, вернулась к нам и сообщила:

– Ни в пиджаке, ни в жилетке, ни в рубашке нет никаких дырок. Но на рубашке и подкладке жилетки видна кровь. Ее не так уж много, но она говорит о том, что где-то на теле есть рана. И тот предмет, который пронзил его грудь, не повредил на своем пути одежду убитого.

– Мы так и подумали, когда было еще темно, – заметил констебль.

– Есть еще одна странность, – продолжила миледи.

Полицейские тупо уставились на нее.

– Ночью на улице было очень холодно, а на мистере Ньюхаусе нет пальто. Но мы знаем, что оно у него было, – мы видели его, когда он приехал в понедельник. То есть одет он не для прогулки.

– А ведь вы правы, черт меня побери совсем, – согласился с ней сержант Добсон. – Когда натыкаешься на труп, всегда замечаешь лишь то, что бедняга мертв. А на другие несуразности внимания не обращаешь.

– Думаю, вы правы, сержант. Но я уже знала, что он мертв, поэтому смогла обратить внимание на другие детали. И хотя мы старались быть осторожными и не оставлять следов, ничего это нам не даст. Посмотрите, как затоптана земля. Боюсь, что по этим следам мы ничего не узнаем.

– А вы уверены, что они не наши, миледи? – спросил констебль Хэнкок. – Я ведь не очень остерегался, пока не понял, что он умер.

– Абсолютно уверена, констебль, – ответила миледи. – Вот посмотрите, наши следы оставлены на подмерзшей почве. А все остальное месиво успело замерзнуть – так что следы появились до того, как ударил мороз. Поэтому я на них не очень рассчитываю.

Сержант тщательно записал все ее наблюдения, чтобы позже представить их как свои.

С каждой минутой становилось все светлее, и на востоке уже появилась узкая светлая полоска – предвестница наступающего рассвета. Пока наши друзья-полицейские делали пометки в своих блокнотах и договаривались, как они представят все детективу из Бристоля, мы с леди Хардкасл воспользовались улучшением видимости и провели свой собственный осмотр.

Обойдя вокруг дерева, мы практически сразу же наткнулись на нечто, что необходимо было увидеть всем остальным.

– Посмотрите, сержант, – сказала я. – Может быть, стоит взять это на карандаш?

Добсон подошел и посмотрел туда, куда указывала я.

За деревом, среди корней, пряталась крохотная кукла. Она была одета в аккуратный серый костюм, и у нее были большие, армейского вида усы. В сердце куклы была воткнута длинная булавка с шариком кроваво-красного цвета на конце.

* * *

Вскоре после того, как первые лучи солнца проникли сквозь прорехи в облаках и осветили крыши домов в восточной части деревни, мы услышали тарахтение мотора, приближавшееся к нам со стороны Бристольской дороги. Очень скоро авто повернуло на дорогу, идущую вокруг деревенского луга, и направилось в сторону двух небольших коттеджей, которые использовались как помещение для полицейского участка и как жилье для наших двух блюстителей порядка. Констебля Хэнкока послали на перехват, чтобы тот сразу же направил водителя к месту преступления.

Фургон был выкрашен в черный цвет, а его водитель и пассажир были одеты в костюмы мрачной расцветки. Когда экипаж остановился, оба легко выбрались из него и представились сержанту Добсону. Казалось, у них возникло какое-то недопонимание относительно того, что делать дальше. Весь разговор я не услышала, но, когда над покрытой инеем травой раздалась сакраментальная фраза: «У нас свои приказы...», поняла, что сержант Добсон попал в безвыходное положение.

Пассажир сходил за носилками, и через несколько мгновений тело Бэзила Ньюхауса, уложенное на них и укрытое простыней, уже несли к фургону. Двум деревенским полицейским не оставалось ничего кроме как наблюдать за тем, как фургон объехал луг и направился в обратный путь в город.

Спустя десять минут мы услышали звук еще одного мотора со стороны Бристольской дороги. Юркое новое авто, проехав вокруг луга той же дорогой, что и фургон, остановилось почти точно на том же месте, которое он освободил всего несколько минут назад.

Узнав сидящих в экипаже, я толкнула леди Хардкасл локтем в бок.

– Инспектор Сандерленд, миледи. И ваш друг доктор Гослинг.

С инспектором Оливером Сандерлендом мы познакомились почти сразу же после переезда в деревню восемнадцать месяцев назад. Мы помогали ему – или мешали, в зависимости от точки зрения – в расследовании парочки «ничего не значащих неприятностей» (как их назвала леди Хардкасл), и после этого между нами и инспектором установились дружеские отношения, основанные на взаимном уважении.

Доктор Симеон Гослинг был старинным приятелем леди Хардкасл. Он работал в Бристольском Королевском госпитале и в свое время предоставил нам ценную информацию по ядам природного происхождения.

– Боже, и вправду они, – обрадовалась леди Хардкасл. – Как это мило. Пойдем поздороваемся.

Доктор Гослинг аккуратно припарковал авто на обочине, и мужчины выбрались на дорогу.

– Инспектор Сандерленд, – воскликнула миледи, – как я рада вас видеть!

– Доброе утро, миледи, – ответил инспектор с печальной улыбкой. – Я должен был сам догадаться, что увижу вас здесь. – Он повернулся к своему спутнику. – Гослинг, позвольте представить вам леди Хар...

– Мы с Эмили старинные приятели, – перебил его доктор Гослинг. – Привет тебе, старушка. Опять мешаешься под ногами?

– Ты же меня знаешь.

– И очень хорошо, старушка, очень хорошо, – наклонившись, доктор обнял свою приятельницу. – Слушай, я знал, что ты живешь где-то у черта на куличках, но не подозревал, что это так далеко! Мы добирались сюда целую вечность!

– Сим, дорогой, всего лишь пятнадцать миль. Ты уверен, что это не потому, что ты водишь машину как моя бабушка?

Инспектор подтвердил ее догадку жестом, полным разочарования, который доктор Гослинг заметил краем глаза.

– Тогда в следующий раз, Сандерленд, старина, добро пожаловать на поезд, – жизнерадостно сообщил он. – Только предупредите заранее. Я и один прекрасно себя чувствую в поездках на большие расстояния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.